

**Василий
ГОЛОВАНОВ**

**КАСПИЙСКАЯ
КНИГА**

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Василий Голованов

**Каспийская книга.
Приглашение к путешествию**

«НЛО»

Голованов В. Я.

Каспийская книга. Приглашение к путешествию /
В. Я. Голованов — «НЛО»,

Василий Голованов— автор парадоксальных литературных исследований— книг «Нестор Махно», «К развалинам Чевенгура», «Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий»— на этот раз приглашает читателя в каспийское пространство. Путешествие вокруг Каспия— это не только погружение в экзотические ландшафты Апшерона, горного Дагестана, иранской Туркмении и каньонов Усть-Юрта. Автор не ограничивает себя рамками тревелога и осознанно идет навстречу острой проблематике времени. Мигранты, нефть, террор и большая политика... Но главное, что волнует автора,— это проблема понимания. «Наше единство в том, что мы разные», — заявляет он, возвращаясь из очередного «путешествия с открытым сердцем». Поэзия, нежная память азербайджанского селения Гала, разговоры с паломниками и дагестанскими фундаменталистами, настоящее Ирана, искренность, дружба и любовь— вот материя, из которой Василий Голованов строит общую «вселенную смыслов». Его незримыми постоянными спутниками в книге являются Ницше и Хлебников, Руми и Шри Ауробиндо, Станислав Гроф и Василий Налимов.

© Голованов В. Я.

© НЛО

Содержание

ЧАСТЬ I	9
I. ТРАНС-АЭРО	11
II. ЛИЦО В ТЕМНОТЕ	22
III. НЕВСТРЕЧА	31
IV. ВСТРЕЧА	36
V. ЭМИЛЬ	40
VI. ЗАБЕГАЛОВКА	43
VII. ПЕРВАЯ ПОПЫТКА	46
VIII. ДРУГ	51
IX. ФИКРЕТ	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Василий Ярославович Голованов

Каспийская книга.

Приглашение к путешествию

То, о чем мы ведем речь, никогда не будет найдено посредством поиска, и однако только ищущий находит это.

Баязид Бистами

Моей жене Ольге

*миг внутренней свободы когда разум открыт и явлена
бескрайняя вселенная а душа вольна скитаться, смятенная
и смущенная в поисках здесь и там наставников и друзей*

Джим Моррисон

ЧАСТЬ I ШЯРГ, ВЕТЕР С ВОСТОКА

I. ТРАНС-АЭРО

Сейчас я появлюсь. Эскалатор, выходящий в здание Павелецкого вокзала, начинает складываться, превращаясь в плоскую ленту, на которой каждый, вынырнувший из глубин метро, становится хорошо различим. Эта лента, похожая на беговую дорожку— начало бесконечного пути, который мне предстоит пройти. По совести говоря, уже давно я не переживал той пустоты неизвестности, с которой начинается любое путешествие, прежде чем обрстет обстоятельствами, в которых я со временем обживусь и даже буду чувствовать себя комфортно. И пока, в этот момент *начала*, у меня в голове творится такой шурум-бурум, что развязавшийся шнурок, который хлещет меня по ботинку, я воспринимаю, как лунатик. Привычные детали интерьера метро выглядят незнакомыми. Мозг притуплен. Шагаю к выходу, мельком взглянув на толпу возле касс метро, которую образуют люди, только что приехавшие на разных поездах из других городов. Чтобы войти в Москву, им всем надо купить билеты на метро, а работает только одна касса. Горечь заброшенности в большом городе видна на их лицах. Не хотел бы я оказаться на их месте в очереди со всеми их сумками, баулами, детьми и небритыми подбородками.

Я тороплюсь вырваться из родного города, из привычного себя, почти вслепую тычусь, отыскивая путь *вовне*, в мир. Когда-то, уже давно, я надумал, намечтал, нашагал себе Остров— далекий северный остров Колгуев в Баренцевом море, — который стал моим духовным убежищем во внезапно изменившемся и, как казалось, зашатавшемся мире. История этого странствования, затянувшегося на десять лет, подробно описана. Теперь я болен снова. И сильнее. Ни мой остров, ни мой дом— в общем, хорошо обжитый, уютный и вполне пригодный для творчества домик под елями— больше не могут служить мне убежищем. Я чувствую, стрем нарастает. В мире что-то серьезно сбоит. И сам я плохо приспособлен к этому миру. Поэтому новое путешествие, в отличие от того, первого и удавшегося— это не попытка улизнуть от кошмара реальности, чтобы обрести силы и поэзию за пределами привычного, а попытка взглянуть реальности в лицо. Войти в мир без иллюзий. Но и без страха понять: что в действительности происходит? Составить о происходящем собственное суждение. Вот, пожалуй, и все предварительное объяснение. Что я обнаружу и каковым будет это суждение— бессмысленно даже гадать. По-прежнему, как герой русской народной сказки, я отправляюсь в путь с неизменным напутствием: пойдя туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...

Миновав турникеты, выхожу на отдельный перрон, где, готовый к отправлению, стоит стремительных обводов красный аэроэкспресс. Выбираю удобное кресло по ходу поезда.

Достаю очки. Когда тебе сорок девять, так или иначе приходится считаться с собственной близорукостью, даже в том случае, если не хочется мириться с возрастом и молодость все еще бунтует в тебе. Спроси́те: а зачем она еще бунтует? И я отвечу: я, видимо, так и не сумел найти другой метафоры Пути, кроме путешествия. Почему же тогда я искал метафору, а не Путь? Может быть, именно для того, чтобы задать себе этот вопрос я, в конечном счете, и затеял все это. Но сначала мне очень нужна была молодость, мальчишество и даже определенная степень душевной незрелости, почемучества, любопытства, авантюризма. Нужно было запихать себя в невыносимую ситуацию, чтобы родились существенные вопросы и ответы. Я ценю истины, рожденные испытанием. Кто-то для уяснения картины происходящего довольствуется свежей газетой за утренним кофе, но... я не хочу сказать, что ответ, который я получу в результате путешествия, будет лучше или полнее газетного: просто он лежит... ну, в совершенно другом измерении. В поле личного опыта. Очень, по предощущению, важного, если уж я в очередной раз решился на алхимическое претворение пространства в слово. Каспиана. Политика тут не при чем, хотя именно политики первыми обратили внимание на прикаспийский регион: с тех пор, как тут были обнаружены запасы нефти и газа, превосходящие по объему все месторождения стран Персидского залива, здесь с новой остротой и с новым безумием началась «Большая игра», ставками в которой являются ресурсы. Я отчетливо ощущаю, как сгущается вокруг Каспия поле невероятного напряжения, и если мир заиграется в свою «Большую игру», это пространство просто разорвет на куски. К чертовой матери!

Что может единичный человек противопоставить этому? Можно, например, вообразить себе пространство путешествия как модель мира. Мира, который почти уже стал единым целым, но в последние секунды перед этим спасительным единением как раз проходит фазу предельного разделения, отчуждения, вражды по крови, по вере, по узким своекорыстным интересам. В таком случае моя задача – в очередной раз, как астронавт, высадиться на поверхность незнакомой планеты, обнаружить ее обитателей, установить контакт, научиться разбирать запахи и цвет, фактуру живого и шероховатость минералов, нащупать входные порты иных ценностных систем (ислама) и согласовать их с портами моего компьютера, на жестком диске которого записана ценностная информация иного порядка. А в идеале нужно просто неторопливо впитывать впечатления, вести разговоры, дружить, жить – чтобы, в конце концов, подняться до какого-то неупрощенного, неполитического видения ситуации. Ведь, скорее всего, она складывается из бесчисленного количества разных факторов, разных судеб, разных представлений о будущем, которые мы, не приблизившись к ним, не прикоснувшись к ним, не в силах ни вообразить, ни определить. Путешествие нужно для знания мелочей. Это знание и есть свобода собственного суждения о мире. Я от души хотел бы, чтобы у этой книги был не один автор, а несколько: русский, европеец, американец, иранец, дагестанец, туркмен, казах. Тогда мы увидели бы прикаспийское пространство с разных сторон, изнутри разных авторских и языковых картин мира. Тогда всем вместе нам, возможно, и удалось бы разжать кольцо цепящего бесплодного напряжения, присущего современной «внутренней жизни», и совершить духовный прорыв во всечеловечество...

Порой мне кажется, что у одного меня просто не достанет сил на такой тур. И мужества. Которое в 49 лет уже ни у кого не займешь. И все же делать нечего: выбор сделан, поезд тронулся, путешествие началось...

Все, чем я располагаю: название гостиницы, где для меня забронирован номер, и несколько телефонов принимающей стороны. Двойное подчеркивание: Алла. Это секретарь редакции журнала «Баку» в Москве. Этот журнал издается под патронажем фонда Гейдара Алиева, а значит, и всей президентской семьи. Алла разрулит любую ситуацию, если у меня будут трудности на местности. Еще одна запись: Эмиль Халилов, журнал «YOL» – он хороший фотограф, журналист, путешественник и просто интересный человек.

Меня интересуют:

Джазмен Вагиф Мустафа-заде.

Гобустан (!)

Ширванская степь.

Гирканский заповедник.

Нефтяные поля на Апшероне. *Не стоит показывать, что ты стремишься их увидеть.*

Это не поощряется.

Экспресс мягко набрал скорость.

Я смотрел в окно на давно знакомый привокзальный пейзаж, на слегка просевший грязный снег. Минут через десять по вагону прошли контролеры и прокомпостировали мой билет. Еще через десять минут появились проводницы в фирменной одежде и предложили с передвижного лотка свежие газеты, шампанское и шоколад.

Прекрасно помню времена, когда в аэропорт «Домодедово» ходила обычная электричка, громыхающая, как бронепоезд и, к тому же, останавливающаяся на всех станциях. После поворота на аэропорт (платформа «Космос») в вагонах появлялись цыганки и назойливо предлагали погадать. Люди со слабыми нервами перед полетом старались задобрить этих ленивых, но вздорных пифий кто «синенькой» (5 рублей), кто «красненькой» (10 рублей).

Теперь телевизоры под потолком вагона показывали фильм о красоте Земли— где-то в синих водах Тихого океана медлительно плавали гигантские морские черепахи. Выходит, все так изменилось за 19 лет. Миг во времени истории.

За этот миг минула целая эпоха.

Внешне все изменилось даже к лучшему. Но перелицовка фасада, оболочки— она сопровождалась невидимой внутренней катастрофой. Вот, как будто коммунистический порядок рухнул— и стало «все дозволено». Почти по Достоевскому: «Если Бога нет, то все дозволено». Но Бога не было. По крайней мере, для большинства. Что же тогда? Почему распад Союза повлек за собой такое невероятное человеческое крушение? Люди утратили веру в справедливость? Но и справедливости тоже не было. Не было справедливости, а вера в правду— была. И было представление, что человеку надо жить «по правде». Тут уж поверьте мне на слово. А вот чего люди решительно себе не представляли— так это насколько через какие-нибудь десять лет всем на эту правду будет наплевать.

Это не простилось.

Надо додумать эту мысль, прояснить.

Но не сейчас.

Сейчас настроиться на дорогу, успокоиться, поглядеть в окно, что ли. Снег. Серый кирпич гаражей, выстроенных вдоль железной дороги. Вороны в голых ветках тополей... Нет, не то...

Последнее яркое воспоминание минувшего утра: моя подруга, Ольга, перед уходом на работу. Я только что вышел из ванной, почистив зубы.

— Послушай, — говорю я вместо прощания. — Сегодня первый день весны...

В ответ она улыбается, но как-то немного рассеянно, и с этой рассеянной, почти извиняющейся улыбкой вдруг горячо обнимает меня. И когда я в ответ прижимаю ее к себе, тыкается носом мне в подмышку, словно на все время разлуки хочет сохранить себе мой запах. Потом, помедлив секунду, говорит:

— Удачи тебе...

И, закрыв дверь, внезапно оставляет меня одного.

Что ж, мне бы тоже не хотелось растерять свою решимость. История эта не вчера началась и не завтра, конечно, закончится. И что ждет меня впереди— я не знаю. Слишком многое поставлено на карту. И от этой поездки зависит, состоятся ли другие, способные наконец

завершить давно начатое дело. Попытку понять этот новый, сорвавшийся с катушек, сумасшедший мир. Не так-то просто решиться на это. Мои привычки и предпочтения давно сложились. И, возможно, путешествие, которое я начинаю, закончится таким сдвигом сознания, что мне несдобровать. Но иногда неудержимо тянет подобраться к самому краю и выглянуть за... Что там— любовь или смерть? Я не знаю. Или шанс по-новому понять себя и мир? Тоже не знаю. Я не подвергаю читателя риску. Я честно ставлю опыт на себе. Сейчас, когда наш аэроэкспресс приближается к аэропорту назначения, мне остается сделать только одну существенную оговорку: не я герой этого повествования, но я— автор.

Не буду расписывать современный аэропорт во всем его величии: это место, где особенно остро осознаешь огромность и безличность, почти физиологичность процесса всемирного перемещения людей. Когда тебя просвечивают на досмотре и заставляют вынимать ремень из штанов, как арестанта, подозреваемого в намерении совершить побег, вместе с тобою десятки мужчин вынимают ремни, десятки женщин снимают туфельки и все равно летят, разлетаются отсюда, как пух в разные страны. Сотни или тысячи людей сидят в пластиковых креслах или, стоя у окна, глазят на взлетное поле. Сотни или тысячи пережевывают сосиски, пьют кофе, разыскивают туалет, стоят в очередях, покупают батарейки, анальгин, газеты, поднимаются или спускаются по эскалаторам, кормят детей и подтирают им попки, улыбаются, разговаривают, спят. Еще сотни от нечего делать слоняются по butikам, разглядывая бессмысленные сувениры, покупая наборы подарочной косметики или выпивку.

Отсюда двадцать пять лет назад начались мои странствия. Тогда аэропорт «Домодедово» не был международным. В нем не было и признака шика. И удобств, если уж на то пошло, тоже не было. Я простудил здесь зуб, ожидая посадки на рейс Москва— Петропавловск-Камчатский в недостроенном павильоне, пахнущем сырым цементом. Помню острый приступ малодушия, когда в очереди на посадку я разглядел на загорелой руке своего попутчика похабную морскую татуировку. Я поглядел в его веселые, беспощадные глаза и понял, что стоит мне оторваться от земли— и ничего привычного вокруг не останется. Кругом будут чужие люди, незнакомые и, может быть, опасные обстоятельства. «...Я научу тебя есть змей...» — была первая фраза, которую я расслышал в автобусе Петропавловска. Странная фраза. На Камчатке нет змей...

Современная глобализация сгладила различия между странами и континентами, по крайней мере в облике аэропортов. Я отыскал рейс на Баку на табло «departure» и направился к стойкам регистрации. Возле них уже собралась очередь. Что-то в ней было не то. Что-то привлекло мое внимание. Да! Все люди в очереди были в черном. Моя зеленая зимняя куртка, смешавшись с этой чернотой, тоже как будто поблекла и совершенно затерялась в мощном преобладании черного. При этом, разглядывая людей, я заметил, что одинаковый цвет костюмов несколько не смущает их, а в некотором смысле и успокаивает. Черные пальто, шубы, шляпы, кепки, куртки, рубахи, платки и, конечно, черные ботинки с острыми носами казались общим признаком, по которому эти люди группируются вместе. Каждый чужой, вроде меня, на черном фоне был отлично различим: я потом разглядел-таки одно или два цветных пятна, затертых, как и я, в черное, но, как и я, носители цвета были чужаками с российскими паспортами. Второе, что отличало эту очередь: она была *тяжела*. Количество багажа на тележках было почти невероятно. Представив себе, как медленно будет ползти эта толстая гусеница, я решительно двинулся к пустующей секции бизнес-класса, по-свойски улыбнувшись девушке за стойкой:

— Раз уж вы немного заскучали, давайте проверим, что выпало этому паспорту?— вкладывая максимум обаяния в каждое произносимое слово, сказал я, облокотившись на стойку.

— Но у вас билет эконом-класса, — сухо сказала девушка, щелкнув клавиатурой компьютера.

– Но что мешает нам прямо сейчас оформить его?– улыбнулся я.

– Я обслуживаю только бизнес-класс.

Что-то не сработало. Что-то оказалось ошибочным в моем понимании мира. Что-то устарело. Когда-то девушкам хватало улыбки, чтобы открыться навстречу. Теперь улыбка ничего не значила. Порядок восторжествовал.

Обидно было, что люди в очереди видели, как я провалился.

И мне ничего не оставалось, как пристроиться в хвост последним. И постепенно... Очередь облекла и повлекла меня за собою, убаюкивая мягким говором с характерным акцентом. Потом в русскую речь стали все чаще вкрапляться тюркские слова, женщины снимали шубы и прятали их в чемоданы, приготавливаясь к бакинской весне, мужчины смеялись, обнажая золотые зубы и демонстрируя дорогие перстни, тележки двигались, чемоданы уносило лентой транспортера, и не прошло пятнадцати минут, как я получил свой билет, чтоб уж теперь на полном основании пуститься в неизвестность.

Ну а дальше– как положено. Взлет– посадка. И четыре часа между ними.

Одним из самых удивительных приключений, которые случались со мной в жизни, стала поездка в дельту Волги в сентябре 1999 года. Представляете себе, что такое дельта Волги? Это джунгли, сквозь которые можно пробираться только на лодке по душным протокам и заросшим тиной ерикам, это бескрайняя птичья страна, разместившаяся на жалких островках суши, поглощенных растительностью. Солнце, жара: розовые, похожие на девичьи груди нераспустившиеся бутоны лотоса и сонные полуденные колоды разломившихся вековых ив с вывалившимися наружу высохшими осиными сотами. Жесткий шорох камышовых зарослей, обугленные молнией деревья, бесконечно разнообразный мир бликов и отражений, оттенков голубого и зеленого, переливающихся в жидком зеркале воды, звездная бездна, удвоенная все тем же неподвижно струящимся зеркалом, удары ветра с большой воды и, наконец, сквозь тростниковые крепи открывающийся глазам бесконечный, распавшийся ветром желтоватый простор «степного моря», Каспия.

Не знаю почему, но дикий, нетронутый человеком простор необычайно волнует и возбуждает меня. Там, в дельте, я почувствовал, как дохнуло на меня жаром далеких пустынь, в которых упокоены развалины городов, разрушенных еще Александром и Чингиз-ханом. Мгновенная галлюцинация– запах лотоса, показавшийся запахом розы– вобрала в себя всю поэзию Персии. Старая кошма на постели старика-сторожа брандвахты ¹ напомнила о рубищах дервишей-суфиев... Короче, меня понесло.

Я едва заставил себя вернуться в Москву.

В свое время одной поездки на Соловки хватило, чтобы пережить довольно-таки бурный десятилетний роман с Севером, результатом которого стало мое дитя– книга «Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий». В 1999 году она была уже написана, но не была еще издана, лишь в журналах удалось напечатать несколько отрывков. Я был свободен для новой любви, открыт для восприятия новых смыслов...

Тогда еще нашествие не началось. Тогда Средняя Азия– именно в силу отпадения ее от России– впервые начинала тревожить ум, как серьезная загадка. Судьбы Улугбека ² или Ибн-Сины ³ казались изящными и драматическими арабесками в духе Борхеса. Всю зиму

¹ Брандвахты– сторожевые суда, стоящие на якоре в дельте Волги, были заведены еще Петром I. В советское время так назывались плавучие, но, как правило, причаленные к берегу понтоны с вагончиком для сторожа, «охраняющего рыбные запасы». Одну из таких брандвахт со стариком-сторожем, доживающим во сне дельты свою старость, я и видел.

² Улугбек Мухаммед Тарагай (1394–1449)– внук Тимура, выдающийся математик и астроном позднего Средневековья, правитель Самарканда, строитель самаркандской обсерватории. Был изгнан из родного города и казнен по приказу своего сына. Похоронен в мавзолее Тимуридов с собственной головой в руках.

³ Ибн-Сина (Авиценна) (980–1037)– хорезмийский философ, музыкант, врач, по масштабу сопоставимый с крупнейшими врачами человеческой истории (Гиппократ, Гален). Его «Канон врачебной науки» оказал огромное влияние на развитие мировой медицины.

1999–2000 я просидел в библиотеке, прихватывая то одну, то другую книгу по истории или географии Средней Азии, с восторгом и смутной тревогой ощущая, как пучится и нарастает Каспийское пространство, пронизывая и связывая в единый исторический ком не только собственно прикаспийские области, но целые регионы, порядочно отдаленные друг от друга: Бухару и Герат, Индию и Кавказ, Месопотамию и Хазарию, с которыми Каспиана оказывалась крепко сплетенной торговыми и культурными связями, движениями мысли и духа и, повторяюсь, обстоятельствами общей истории, большинству из нас совершенно неведомой. Хотя и не менее напряженной, чем история Европы, которую мы изучали в школе и в университете и куда отдельным курсом, но в нерасторжимой взаимосвязи, была вплетена история России.

Когда я сбежал на Север, на свой остров, среднеазиатские республики еще были частью СССР. И хотя эта часть всегда казалась мне странноватой, я бы не осмелился тогда утверждать, что в гораздо большей степени, чем Стране Советов, эти страны принадлежат грандиозной матрице исламского мира, раскинувшегося от Мавераннахра ⁴ до Магриба ⁵. Я с ужасом понимал, что мой метод «вживания» в пространство, который неплохо зарекомендовал себя на Севере, нелегко будет применить на такой огромной территории. Там был небольшой остров, как будто специально предназначенный для того, чтобы спрятаться на нем от всех перипетий новейшей истории. А здесь... Хитросплетенные, как арабская каллиграфия, лабиринты древних и средневековых хроник и настоящее «море огня» сиюминутного исторического времени...

Это пугало меня. Но важнее оказалось не это. Помню миг— это был воистину миг, уверяю!— когда в моей голове сложились слова: «Тотальная география Каспийского моря».

Я понял, что это название книги.

Будущей моей книги.

И все!

С этого момента я уже не ведал покоя.

Вы спросите, почему «тотальная»? Потому что мне хотелось сложить вокруг Каспия три разных мира: Россию, буддийскую Калмыкию и мир ислама, облекающий Каспий со стороны Кавказа, Персии и Средней Азии. Хотелось диалога культур, религий, пространств. Необходимость такого разговора уже тогда, через 10 лет после распада Союза, чувствовалась очень остро. Внутри России всегда было много Востока, и в этом смысле молчание, непонимание и незнание друг друга— оно оборачивалось какой-то коррозией, разъедающей общество изнутри.

Я всласть посидел в библиотеке, выстраивая хронологии государств и сводя их воедино, выкладывал исторические пасьянсы и анализировал ходы в «Большой игре», которую вели Россия и Англия в XIX веке за преобладание на Востоке. Я проваливался в такие бездны истории войн, мистики и поэзии, о которых никогда не подозревал. В какой-то момент я буквально начал захлебываться прочитанным, и каждая книга утягивала меня еще глубже на дно, пока спасительная мысль не пришла мне в голову: если я не хочу, чтобы «тотальная география» оказалась устрашающей по объему компиляцией, достаточно *намек* на эту тотальность. Но что было абсолютно необходимо— так это самому совершить путешествие вокруг Каспия. Без этого книги не могло получиться. Случайно мне предложили командировку в Азербайджан от журнала «Баку». Это был знак. Настала пора отправляться в путь. Что не отменяло обязательного выстраивания исторического хронотопа, изучения Корана и знания царей, воителей, ученых, поэтов и святых Востока, которые тоже ведь должны были стать частью текста, частью моей аргументации...

⁴ Мавераннахр— «страна по ту сторону реки», т. е. по правому берегу Аму-Дарьи, современный Узбекистан.

⁵ Магриб— область, объятая исламскими государствами Северной Африки.

В Азии с конца 80#х годов творилось черт знает что. Войны и перевороты в Киргизии и Таджикистане, всегда чреватая погромами и свежей кровью напряженность разноплеменной Ферганской долины Узбекистана, каменное молчание Туркмении— все это не прибавляло мне оптимизма. Мне удалась только одна попытка прорваться к своей Азии: я съездил в Казахстан, на полуостров Мангышлак, откуда вернулся, совершенно замороженный каспийским пространством. Текст, который я привез, был несколько раз переписан и в конце концов напечатан, но даже в лучшем своем качестве он представлял собою лишь вдохновенный гимн, который можно было бы предпослать энциклопедии осадочных пород. Окаменевшие кораллы и глинистые сланцы; известняки, выветренные, словно знаменитые китайские шары из резной кости; горы из белого мрамора, лезвия кремня в осохшем русле горного потока, охристая, лиловая и красная поверхность земли, написанная смелыми, яркими мазками, как на полотне художника-авангардиста— все это вызывало мой неподдельный восторг, который и удалось выразить. А хотелось передать что-то Сен-Жон Персовское:

Распахнуты двери в пески, распахнуты двери в изгнание,
Ключи у людей с маяка, и живая звезда растоптана на пороге:
Хозяин, оставьте мне ваш хрустальный дом в барханах...
Лето, сухое, как гипсовый слепок, вострит свои копыта о наши раны,
Я выбираю погост времен года, прибрежную пустошь,
На дюнах мира восходит дымом дух Божий... ⁶

Поездка была слишком коротка, главное осталось недоговоренным и непроговоренным. Была еще одна, полная весны и любви поездка с Ольгой в Бухару и Самарканд. Это была отдельная красивая музыкальная тема, отголоски которой наверняка прозвучат еще в этом повествовании, но тогда в музыку диссонансом вторглись грозные звуки.

Настал момент, когда метрополия захотела, как о страшном сне, позабыть о своих бывших колониях, которые сама же когда-то завоевала. И тут произошло то, что происходит во всем мире: колонии поплыли в метрополию.

Помню как однажды, на излете 90#х, в перелеске возле Переделкино ранним весенним утром я застал людей, спавших кругом на голой земле, сгрудив в центр круга малышей. На них были полосатые ватные халаты, а от ночной сырости их закрывал кусок толстого полиэтилена, теперь, к утру, покрывшийся изнутри испариной их живого дыхания. То были таджики, бежавшие с родины от межплеменной резни.

Еще помню, как возвращался с Мангышлака и в московском аэропорту мое внимание привлекли люди: они стояли, скованные страхом, перед окошком паспортного контроля. Страх происходил от того, что их могут разъединить, оттащить одного от всех остальных. Никто ни слова не говорил по-русски. Только вербовщики, которые привезли их из родных кишлаков, обещая работу и деньги. Они думали, что вернуться. Все думали, что вернуться. Но большинство осталось навсегда.

Еще воспоминание: перрон вокзала в Саратове. И какие-то маленькие, коренастые, жилистые мужички тащат зашитые крест-накрест кривой цыганской иглой огромные серые тюки в багажный вагон поезда на Москву. Я еще удивился несоразмерности этих тюков росту и силам мужчинок, но выбирать им, по-видимому, не приходилось: они бежали в Москву, как Африка бежит в Париж, а Индия и Пакистан— в Лондон. И там, в этих тюках, было все имущество неведомого мне племени, все его богатство, которое стерегли закутанные в платки женщины, со всех сторон обсевшие оставленные на платформе баулы. Теперь я каждый день встречаю в метро маленьких жилистых мужчинок этого племени...

Возможно, большинство москвичей не было бы против, если бы приезжие, занимая нижние этажи социальной лестницы, обеспечили бы дешевой рабочей силой строительный

⁶ «Изгнание», пер. Натальи Стрижевской.

бум в столице, уборку улиц и павильонов гипермаркетов, обслуживание посетителей в сети недорогих ресторанов «Му-Му», торговлю в палатках и другие надобности большого города и остались бы при этом незаметными. Если бы их не было видно, мы ведь не сказали бы и слова против, не так ли? Но так не бывает. Приехавшие с Востока не были, как легко догадаться, Сократами. Их привлекала работа, которой у них на родине не было и, значит, деньги. Деньги— прежде всего. Когда советская империя рухнула, а наши министры и генералы бросились растаскивать ее добро, иноземцы вслед за ними присоединились к грабежу. А как же иначе? Их, правда, не допустили к самому главному— ресурсам, но во многих областях они обставили русских. Я не хотел бы слишком углубляться в эту тему, потому что, честно говоря, для меня рассуждения такого рода травматичны. Я ненавижу слова «мы», «они» и все рассуждения о бедах, якобы «ими» причиненных. Все это покрывала наша власть. Наши чиновники. Наши законы. И первое мое убеждение заключается как раз в том, что «мы» ни в чем не оказались выше «их». «Мы» не проявили ни ума, ни чести, ни благородства, в разной степени присущих цивилизованным народам. «Мы», вернее, наши чиновники, продавали, брали взятки, разрешали «им» то, что запрещено законом. В своей мерзости «мы» и «они» оказались, увы, равнозначны.

«Они», как могли, обустроились на обломках истории государства российского. Кто лучше, кто хуже. Одни стали дорожными рабочими и дворниками, другие— таксистами, третьи— продавцами ворованных мобильных, четвертые— воротилами большого бизнеса, хозяевами рынков, монополистами цен. Разумеется, не все «понаехавшие» устроились отлично. Миллионы приезжих, как и большинство россиян, не знают ничего, кроме беспросветного и очень низко оплачиваемого труда, который питает их семьи где-то там, где умерла последняя надежда хоть как-то обустроить жизнь. Им просто некуда бежать, кроме России. Не на что надеяться, кроме России— даже в том виде, в каком она существует сейчас. Так есть, и с этим ничего не поделаешь. Мне нелегко принимать «как есть» действительность, с которой я ежедневно соприкасаюсь. Для этого нужны крепкие нервы и чистая душа. А именно душу труднее всего сохранить в чистоте: с усталостью приходит раздражение, и тогда сердце и мозг начинают продуцировать чувства и мысли, которых можно только стыдиться. И нужно время, чтобы очиститься... Как нужно мужество, чтобы начать разговор. Настоящая трагедия в том, что, оказавшись вместе в одном городе, мы продолжаем жить как бы в параллельных мирах, даже не разговаривая друг с другом. Общение сведено к нулю. Я не знаю, что думает обо мне рабочий-таджик, живущий среди труб отопления в подвале в ста метрах от моего домика. И когда на рынке продавец-азербайджанец грубо надует меня, исполняя волю своего хозяина, все происходит молча. Я знаю, что сколько бы я ни спорил с ним— он не снизит цену, иначе он будет уволен. И он это знает. Я не знаю, что думают и что делают в Москве ребята с Северного Кавказа, которых я ежедневно встречаю на платформе электрички. Каждый день они направляются из пригорода на Киевский вокзал. У них сильные мышцы, открытый смех варваров, уверенных в своем праве на этот город и восхитительная грация диких животных. Не знаю— студенты они или бандиты. Но я ведь не подошел, не спросил: послушайте, джигиты, давайте поговорим. Расскажите, что вы думаете о нашей с вами жизненной ситуации? Чем вы занимаетесь? Почему уехали со своей родины? И что нам делать, чтобы в городе, где когда-то родился я, а теперь уже родились ваши, джигиты, дети— все устроилось все-таки по-человечески? Давайте позовем таджика, давайте позовем азербайджанца, аварца позовем, табасаранца— мы ведь никогда не собирались вместе, хотя живем бок о бок, никогда не пытались понять друг друга... И все наши представления друг о друге— это домыслы. Химеры, рожденные в немоте и темноте сознания. Чтобы они развеялись, нам нужно немного: сесть и начать спокойно говорить. На то мы и люди. На то нам и дан язык...

О, наивная вера в слово! Скажи еще: «в начале было Слово». В начале было насилие, потом было насилие, насилие на этой земле не прекращалось никогда... Но если я, к примеру, не хочу участвовать в насилии? Я обращаюсь все-таки к слову. Еще одна— может быть, тщетная— попытка. Но скажите на милость, какой есть у меня выбор? Каким вообще может быть выбор, если свобода, в конце концов, осуществляется только на уровне индивидуального сознания?! Не существует свободы помимо сознания.

Вот я и реализую свою свободу, пытаюсь начать этот разговор.

Все остальное, в сущности, неважно. За исключением задания редакции: написать о наскальных рисунках Гобустана. Потому что Гобустан— это действительно круто.

Вы слышали когда-нибудь про Гобустан?

Ну, или хотя бы интересовались наскальными рисунками?

Поверьте, это— одна из самых занимательных вещей в мире.

Ибо тут мы имеем дело с очень сложными— и, как правило, непонятными— потоками мифологического сознания. Австралийские аборигены до сих пор живут в реальности мифа, начало которого они называют «временем сновидений», и до сих пор общаются с магической реальностью с помощью рисунков.

Гобустан— это место, где найдено около 6 тысяч наскальных изображений глубокой древности. Есть рисунки, которым не меньше 25 тысяч лет.

А вышло вот как. Два фотографа, которых пригласил журнал «Баку», издающийся в Москве для представительства, поехали на разведку в Азербайджан, чтобы поснимать что-нибудь интересное. Их привезли на Гобустан, и их вставило... Но они не стали торопиться. Дело было в ноябре. Они обдумали, как лучше выставить свет, чтобы волшебство этой наскальной росписи было явлено читателю действительно как чудо. Снимали ночью, с пятью или шестью подсветками и огромной желтой луной в небе. Когда они привезли съемку, в редакции ахнули. Оставалось только одно: написать к этим снимкам текст. Долго искали автора. Безуспешно. И тут в редакцию зашла одна моя знакомая и кстати вспомнила обо мне: вы, говорит, ему позвоните. Он из таких. Он напишет.

А дело в том...

Прости, читатель, я все время ухожу от существа дела.

Когда в одно десятилетие мигом схлопываются совершенно разные культуры и разные уровни этих культур, это очень болезненно. Ибо «каждый народ говорит на своем языке о добре и зле; этого языка не понимает сосед. Свой язык изобрел он в обычаях и правах», — так говорил Заратустра Ницше⁷. И тут он прав, его Заратустра. Именно так и случилось, когда русский мир, который вообще лет триста считал себя отдельным материком, вдруг накрыло волной ислама.

Ждали мы этого? Не ждали, разумеется. Что мы знали об исламе? Примерно то же, что рыночные торговцы знают о Льве Толстом. В массе. Но я-то сорок девять лет прожил рефлексивно, книжки, значит, почитывал: я-то что-то должен знать о мире ислама? Ну, должен. Тогда— какие поэты этого мира вдохновительны для меня? Какие герои близки? Желанны ли мне женщины мира сего? И какие слова, принадлежащие к языкам неевропейского происхождения, известны мне в этом птичьем перещелкивании десятков наречий, наполнивших мой город?

Ну, как человек с гуманитарным образованием, я мог бы назвать несколько имен, если угодно. Мистическая поэзия Джалал ад-Дина Руми⁸ равно радует мое сердце, как и лег-

⁷ Ф. Ницше. Так говорил Заратустра. М., ПСС. Т. 4. С. 50.

⁸ Джалал ад-Дин Руми (1207–1273)— «наставник с сияющим сердцем»— один из самых читаемых мировых поэтов, шейх суфизма. Писал на персидском языке, жил в Малой Азии.

кие четверостишия одинокого и печального скептика, Омара Хайяма ⁹. И перечень тюркских слов, так или иначе вживленных в русский язык и топонимику, был бы довольно обширен. Но ведь этого мало. Я не жил на Востоке, и я не знаю, чем сладок Восток, в чем он праведен, а в чем прав. Я пережил глубокое увлечение суфизмом, читая европейских авторов— Аннемари Шиммель ¹⁰ и немногочисленные переведенные на русский труды Анри Корбена ¹¹. Образ В. В. Бартольда (1869–1930)— классического русского ученого-востоковеда— пленил меня не только полнейшей отрешенностью, в которой, благодаря Востоку, может укрыться человек, даже переживший в пору творческой зрелости большевистскую революцию, но и глубочайшим знанием и пониманием мусульманской культуры, которая приютила его, перекроила весь его внутренний мир, всю внутреннюю географию, и подарила ему сокровища, погрузившись в которые он стал неуязвимым в самые омраченные годы нашей истории. Так что если говорить начистоту, то не только раздражение наплывом пришельцев, столь объяснимое в большом городе, предопределило мой полет в стареньком «Боинге», но и тайна самого Востока. Не беда, что она была явлена мне в отражениях европейской учености. Тем даже лучше. Ибо это доказывает, что путешествие в поле общих смыслов все-таки возможно. И только оно целительно, когда разные культуры вдруг так опасно сжимает время Истории. А коль уж страх чужого и неизвестного коснулся тебя— вставай и иди навстречу ему. В пространствах и ландшафты, где эти, столь разные, культуры Востока выросли, где остались их корни и люди корней.

Вспоминаю декабрь 2010 года, когда подспудно копившееся взаимное отчуждение вдруг взорвалось драками молодежи на национальной почве. Одного парня убили. Такого Москва еще не знала. Фронт национальных конфликтов, который всегда проходил где-то далеко, в Чечне или в Узбекистане, неожиданно обозначился прямо в столице, грозя превратить ее в настоящий ад... Московские парни с одной стороны и ребята из Азии и с Кавказа решили помериться силами на одной из центральных площадей столицы... Как жить тебе, несчастный обыватель, если Москва будет превращена в поле боя?! Десятки тысяч молодых людей готовились к сражению. И было ощущение, что правительство не знает, на кого ему опереться, как быть... Зато драться хотели все: приезжие, чувствующие себя обманутыми в этом городе, недовольные тем жалким куском жизни, который им тут бросили. Да и молодежь севера и востока Москвы, парни с Дубровки и Свиблово, точно так же брошенные на произвол судьбы, отшатнувшиеся от безвольно брюзжащих отцов, верящие только в силу, в кайф, в секс и в то, что право жить берется так же просто, как магазин на темной улице. Им хотелось драться, потому что ненависть, не знающую исхода, проще всего вложить в удар ножом или железной арматурой. Общество охватил страх...

Я был на площади Киевского вокзала 15 декабря, когда на ней должно было состояться побоище. Накануне не мог заснуть всю ночь. Не понимал, что делать... Стал придумывать речь... Я был уверен, что стоит мне сказать слово о примирении, как меня просто убьют— но не боялся этого. Когда утром приехал на площадь, она вся была заставлена тяжелыми военными грузовиками и автобусами; был один бронетранспортер и, конечно, спецназ— какой-то немыслимый центурион в черном пластиковом облачении, который позволял толпе издали и с трепетом разглядывать себя... Да, с виду такой внушал обывателю страх и уверенность, что «ничего не случится». Но все было, конечно, не так просто. Внутри молодежи, внутри национальных диаспор за какие-то 24 часа было принято решение: не превра-

⁹ Омар Хайям (1048–1131)— выдающийся математик и астроном. Долгое время жил в Бухаре, затем по приглашению сельджукского султана Низам-ал-Мулка поселился в Исфахане (Иран), где руководил дворцовой обсерваторией. Недоброжелатели считали его безбожником, и действительно, Хайям в своих стихах вдоволь посмеялся над *пустосвятами*.

¹⁰ Аннемари Шиммель. Мир исламского мистицизма. М., 1999.

¹¹ Напр.: Корбен А. Световой человек в иранском суфизме. М., 2013.

щать Москву в поле боя... И все мы с благодарностью должны сказать друг другу спасибо за то, что побоище не состоялось...

Думаю, каждый, у кого не атрофировался еще мозг, чувствует грозную тектонику истории, мелкую тряску, предвещающую начало колоссального сдвига, ни масштабов, ни последствий которого мы не можем себе даже представить. Может быть, Россия будет стерта с исторической карты, как стерта была Югославия. Меня тошнит от предчувствия свежей крови. Потому что Косово— оно не рядом даже, оно теперь внутри. И не в нашей воле избавиться от него. Вместе с народами бывшей империи нам суждено изжить общую судьбу до конца: вместе спастись или вместе погибнуть. Я погибаю и спасаюсь каждый день, выныривая из человеческого водоворота Москвы. Чтобы не погибнуть окончательно, у меня есть только один шанс— моя книга.

Дрожь смертного ужаса проходит по всему миру.

Хотя пока что— это всего-навсего тихая катастрофа, вызванная всеми возможными кризисами сразу. В мире больше нельзя жить, исповедуя «уют и комфорт», потому что весь мир связан и эта связанность— давно не метафора, она ощутима, она страшна, за комфортом от нее не скроешься, сам комфорт под угрозой, в него— уже не только через телевизор— ломятся повстанцы, террористы, беженцы и славная американская солдатня, способная разорить любую страну как муравейник. Мы все давно понимаем, что в мире что-то не так. И нам надо что-то срочно менять в наших собственных представлениях о нем. Но что? Я еще не нашел ответ для себя. Чтобы найти, мне надо пересечь границу цивилизаций, границу *сознаний*. Пройти насквозь эти *иначе сознающие пространства*, подняться *над*, очистить дух и через мрак сердец, спящих беспробудным сном, узреть долгожданный Свет...

Прости меня, читатель, я слышу шумящую кровь в ушах толп, красный ветер у них в головах. Ледоход времени, треск пространства.

Я начинаю свой поход в наихудших для предприятий такого рода условиях.

Я отправляюсь на поиски братьев по духу в далекие земли. Во все времена человеческой истории, даже самые темные, отыскивались мудрецы и святые. Они знали друг о друге, даже если время их земной жизни разделяли века. Они продолжали неслышимый диалог, не давая роду человеческому захлебнуться в собственном дерьме. Они верили в божественное предназначение человека. Без них любая история была бы только мрачным перечнем бесчестий и кровопролитий. Но с ними прошлое обретает другой смысл, превращаясь в тайную историю духа, света и радости...

Прости меня, господи! Со смутными мыслями улетал я в Азербайджан.

Прости и ты меня, читатель.

II. ЛИЦО В ТЕМНОТЕ

Экранчики телевизоров старого «Боинга» «Азербайджанских авиалиний», похожие на экраны лэп-топов начала компьютерной эры, неожиданно погасли. Самолет начал снижаться. За время полета я успел пролистать очередной номер журнала «Azerbaijan airlines», который пронзил меня холодным алмазным сиянием стерильного мира богатых людей. Отложив журнал, я огляделся и заметил девушку. Распущенные каштановые волосы, чуть акцентированный тюркский разрез глаз... Лицо скорее тонкое, чем красивое: слепок отрешенности и приглушенной чувственности. Читала Мураками, втиснув в уши наушники с какою-то музычкой...

Мысль о знакомстве, возникни она, была бы слишком банальной. И все же эта девушка необъяснимо притягивала меня. Но так же необъяснимо и настораживала. Чем? По первому впечатлению какой-то бесплотностью, «ломкостью» тела: она как будто не могла сидеть, не «сломавшись» в двух-трех местах, как кукла, оставленная в кресле наигравшимся ребенком. Потом по проходу провезли тележку с напитками, она взяла бокал красного вина и, едва пригубив его, вдруг стала не просто ломкая, а знаете, как на коробках пишут: fragile. Хрупкая. Одно неверное движение, одно слово— и она может разбиться на тысячи острых осколков... Я не думал знакомиться с ней, и все же не знаю, чего я больше испугался: сломать чужую хрупкость— или быть пронзенным и израненным этой хрупкостью, так опасно соединенной с приглушенной страстью...

Чем старше я становлюсь, тем меньше мне хочется что-то менять в своей жизни: она ведь не просто и не без ошибок строилась и только теперь более или менее сложилась сообразно моим представлениям о свободе, о творчестве и о любви. И все равно в каждом моем путешествии есть миг соскальзывания в пустоту, выпадения из самого себя, внезапно-острого переживания себя листком, оторвавшимся от ветки, игрушкой ветра, случайных обстоятельств, мимолетных встреч, когда, кажется, все возможно. Это всего лишь опьянение временем, внезапно отворившимся во все стороны, как в юности, эйфория, красивый автомобиль без тормозов, поездка на котором не сулит ничего, кроме катастрофы. И все равно— он обязательно случается, этот миг, когда ты с ужасом и одновременно с восторгом в сердце заглядываешь в какую-то иную *вероятность* собственной жизни. Как в пропасть. Один пронзающий миг.

Потом в иллюминаторе самолета мелькнула темная синяя гладь воды— Каспий.

Потом куски желто-серой, безжизненной суши.

Потом облака-облака, какие-то крыши внизу, тысячи крыш— и самолет садится на посадочную полосу аэропорта Гейдара Алиева в нескольких километрах от Баку.

Первое впечатление в аэропорту: я бестолково тычусь туда-сюда в поисках окошка, где проплачивается виза.

— Сначала сюда, — по-русски приглашает меня местный пограничник в форме цвета морской волны к окошку паспортного контроля.

— Здравствуйте, — отзывается на мое приветствие второй пограничник в кабинке, бросает на меня короткий взгляд и метит мой паспорт простым лиловым штампом.

— А виза?— как дурак, спрашиваю я, все еще не понимая. Он вдруг осознает, что настал момент для высказывания. Не так-то часто пограничнику в капсуле паспорт-контроля выпадает возможность высказаться. И он не упускает ее. Вкладывая в свое послание весь пафос, который он может донести до дурака-чужеземца и, одновременно, всю гордость за себя и за свою страну, он громко и радостно выпаливает:

— Гражданам России в Азербайджане виза не нужна!!!

Меня мигом выплюнуло в какой-то коридор, а оттуда— сразу за двери, где поджидают прибывших родственники и таксисты. Я прохожу мимо незнакомых лиц и фигур, думая увидеть что-нибудь вроде наспех сделанного плаката с моей фамилией или, на худой конец, услышать звонок мобильного, но тут вдруг кто-то тянет меня за рукав:

— Василий?

— Да.

— Я вас сразу узнал. Я— Азер, шофер машины.

— Азер... Здравствуйте... А как вы меня узнали?

— Я ваших всегда узнаю...

— Так... Куда нам? Да у вас тепло... Дайте-ка я зимнюю куртку сниму...

Мы вышли на воздух. Было градусов семь-восемь тепла. Никакого снега. Машина была припаркована под эстакадой: уютная Toyota Previa. Я снял куртку и удобно расположился на кожаном сиденье. Настроение поползло вверх. Все, в общем, складывалось.

— Ничего не забыли?— спросил Азер.

— У меня только рюкзак и сумка...

— Тогда поехали.

Помню, было косое вечернее солнце, дорога сухая, по сторонам— длиннющий, вообще, как будто, нигде даже не прерывающийся от аэропорта до самого города желтоватый забор, имитирующий крепостную стену: за ним скрывались те тысячи крыш, которые я видел с самолета. Зелень еще не проклюнулась. Лишь сосны качали темной хвоей, да в одном месте круглилась жесткой, почти черной листвой роща оливковых деревьев.

— Ее скоро не будет. Беженцы срубят, — проследил за моим взглядом Азер.

Я впервые услышал слово «беженцы», но не обратил на него особого внимания. Но оливы мне стало жаль:

— Срубят рощу на дрова?

— Нет, просто срубят. Поселок будут строить. Зачем на Апшероне дрова?

Я не сразу понял, что дрова и все, что горит, здесь заменяет нефть.

Азер разговаривал спокойно, уверенно. На вид ему было лет сорок пять: плотный синий свитер без воротника и серая джинсовая куртка облекали спортивное тело. Позже я узнал, что каждое утро Азер делает пробежку до бассейна, плавает, успевает завезти на работу жену своего начальника и еще переделать кучу дел— в общем, ведет спартанский образ жизни. Но тогда бросилась в глаза только непринужденная уверенность, с которой он вел машину и выражение естественного спокойствия на лице. Даже дорожная полиция, которая свирепствовала на дороге, казалось, не замечает его.

— Нас не тормознут? Пристегнуться?

— Можешь пристегнуться. Но не тормознут.

— Почему?

— Они же знают, чья это машина.

— А чья это машина?

— Сейчас это машина фонда Гейдара Алиева, но совсем недавно на ней ездила первая леди страны, жена президента Ильхама Алиева... Так что им не стоит связываться с такой машиной...

Потом мы въехали в город. Сразу делалось ясно, что это город большой. Но была в нем одна странность: как будто он весь почти был заново перестроен...

Не доезжая гостиницы Азер предложил поужинать. Мы свернули с проспекта и въехали на задворки больницы нефтяников. По разбитой улице брели люди. Вывески не было. Несколько оббитых ступенек подъезда, стеклянные двери, второй этаж. Все убранство ресторана составляли тростниковые циновки на стенах и сделанные из таких же циновок кабинки.

– Если хочешь прийти поужинать с женщиной– заказываешь кабинку, – сказал Азер. Я огляделся: в зале были одни мужчины.

Азер заговорил с одним из официантов по-азербайджански.

Он заказал традиционный бакинский ужин: люля-кебаб, огурцы-помидоры, зелень. Официант знал его, тут же принес лаваш и чай в маленьких, красиво ограненных стеклянных стаканчиках– армудах. К нему прилагалась горстка крепкого колотого сахара, который составляет здесь, в Баку, непременную часть чаепития. По-хорошему чай следует пить вприкуску. Прекрасный пережиток времен не столь отдаленных, как и щипчики для сахара...

Первый нефтяной бум Баку пережил в конце XIX века. И тогда на месте города старого, еще совсем азиатского, с верблюдами и глинобитными стенами, был воздвигнут совершенно другой город– с особняками в стиле модерн и рококо, с трамваями, городскими садами, оркестрами в них и, разумеется, павильонами, где чистая публика того времени и изобрела этот, не лишенный своеобразного изящества, способ чаепития с колотым сахаром вприкуску. Так вот: способ уцелел. А город– куда-то исчез. Я надеялся как раз на то, что в Баку будет много дореволюционного модерна, который так пленяет меня– любителя старинных фотографий, ценителя булыжных мостовых, трамвайных депо, старых парков и деревянных киосков для чтения... Но как раз *ничего такого* нам на пути не встретилось. Со своими прямыми проспектами, запруженными огромными дорогущими джипами, «мерсами» и «вольво», город выглядел несколько одномерным.

Нам принесли кебаб. По-бакински следует произносить *кябаб*, говор здесь очень мягок. Даже нежен, как сам этот ароматный *кябаб*, сделанный из курдючного мяса овец и буквально тающий во рту. Свежие помидоры, пряная киндза, эстрагон и базилик увенчали наше скромное пиршество.

Когда мы вышли на улицу, уже стемнело.

Теперь мы ехали по главному приморскому променаду Баку– проспекту Нефтяников– одну сторону которого занимали только что отстроенные, шикарные здания этажей в двадцать, а другую– приморский бульвар, ошетилившийся метелками пальм. Мелькнул знакомый и сильно изменившийся в масштабе, очень небольшой в сравнении с набухшим телом города древний силуэт Девичьей башни.

Через минуту Азер свернул с трассы, мы проехали на бульвар к самому морю и внезапно остановились у шлагбаума с вывеской Yacht Club. Вдаль, в море, уходил пирс. У этого пирса– несколько дорогих яхт. Одна, самая большая, принадлежала президенту, Ильхаму Алиеву. Похожая была у незабвенного Туркменбашы.

В конце пирса было небольшое здание, собранное, как будто, из нескольких блоков: барабан, чемодан и двухэтажное. В холле, выдержанном в морской тематике, стояли две большие модели английских фрегатов. На Каспии никогда не было иного военного флота, кроме российского, но модели таких размеров делают, видимо, только в Англии. Номеров было всего с десяток. Я открыл свой: вот это да! Давненько мне не доводилось жить в таком номере! Я отдернул занавески, распахнул балконную дверь. В сумерках еще видно было море. Серое, с россыпью портовых огней вдали. Долго же я добирался сюда со своей «Тотальной географией...»

– Завтра во сколько за тобой заехать?– спросил Азер. Во время ужина мы незаметно перешли на «ты».

– Часов в десять.

– Какие планы?

– Город. Первый день– город. Я здесь в первый раз... Надо войти... Хотя бы общее представление...

– Закажи завтрак на полдесятого.

Я остаюсь один.

На миг меня прожигает острое чувство заброшенности, как будто я отстегнул свою систему жизнеобеспечения от космического корабля и на несколько часов остался один в космосе.

Потом обменник, курс доллара. За сто долларов мне дают восемьдесят манатов. Манат, следовательно, стоит столько же, сколько евро. Он обеспечен сырой нефтью, как евро— европейской культурой.

Выходит, то и другое равноценно на весах мирового рынка.

Когда я вышел из обменника, накрапывал редкий дождь. Было безлюдно. Сбоку тянулась крепостная стена. Вокруг из земли, будто из иллюминаторов, вырывался свет. Лампы подсветки. Деревья. Это, значит, я в саду... Внезапно до меня доходит: я в Комендантском саду у стен Старого города— Ичери Шехер. Мне повезло... Не торопясь, постепенно входя во вкус и в конце концов смакуя каждый шаг по асфальту (после зимы и снежной каши под ногами!), я направился к воротам. Удивительно все же, как безлюдно вокруг. Отвык от такого ощущения. В Москве так уже не бывает...

Было еще совсем не поздно: наверно, часов десять. Ни плана города, ни карты у меня не было. Чтобы не заблудиться в узких улочках Ичери Шехер, я вошел в ворота и, выбрав самую широкую и прямую улицу, пошел по ней. Свет редких фонарей и настенных ламп, стилизованных под нефтяные светильники-чирахи, ложился на булыжники мостовой то серебряной, то золотистой паутиной. Кое-где в окнах горел свет. Здесь жилье явно было элитным, дорогим. Пару раз я видел вывески сувенирных магазинов. Вывеску отеля. Старый город был комфортно обустроен и напоминал скорее хорошо спланированный туристический объект, чем настоящий восточный город— глухие, темные, ночные, шершавые, саманные, густо заселенные людьми лабиринты старой Бухары. Здесь же все было несколько нарочито. Вынесенные наружу кондиционеры сильно портили ощущение подлинности старины. Потом я увидел черный провал, боковой проход, уходящий в темноту, и немедленно шагнул туда. Ощущения опасности не было. Я чувствовал это очень хорошо: тем вечером город был ко мне благорасположен. В конце темного прохода оказался двор, завешанный веревками, на которых сушилось белье. Измазанная известкой стена сохранила с советских времен надпись «лепка». Нарисованная на стене стрелка указывала в глубь двора. Там был когда-то кружок лепки для детей. Теперь его и в помине нет, конечно.

В канализационных трубах, выведенных прямо на стену, булькала вода. Высоко в небе, зацепившись за ветку дерева, болтался кусок полиэтилена, отражая то красный, то зеленый отблески. Жизнь была близко, жизнь готова была проявиться, пробиться наружу, ко мне: скрипнула затворяемая дверь, за окном послышался женский голос... Я постоял в углу двора. Никто так и не появился. Я настроил аппарат на режим ночной съемки и сделал первый кадр. Вернул режим просмотра, чтобы увидеть, что я снял, и вздрогнул: в темном правом углу кадра стояла девушка. Та девушка из самолета. Я быстро оглянулся: никого не было. Ни вдоха. Ни дуновения. Посветил голубоватым экраном дисплея туда, в темный угол. Свет лунными дольками отразился в кошачьих глазах, кошка шмыгнула куда-то и растворилась в темноте. Я сделал несколько шагов, прозвучавших неестественно громко. Двор был замкнут, девушке некуда было бы отступить, разве в проем приоткрытой двери за ее спиной...

— Эй!— позвал я.

Ни шороха в ответ. Я уже согласен был быть пронзенным и израненным ее хрупкостью, я сам готов был разбить ее вдребезги, только бы она проступила еще раз из темноты.

В конце концов, мы могли бы просто выпить по рюмке текилы в этом городе без откликов...

Внезапно приоткрытая дверь подъезда со страшным треском отворилась, и двое мужчин, стремясь опередить друг друга, по ступеням крыльца бросились прямо на меня.

– Туто'но! Туто'но! ¹²– вскричал один из них, сворачивая в темный закоулок в тот миг, когда я уже приготовился быть сбитым с ног или получить удар ножом. Их шаги звонким эхом отдавались в темном ущелье проулка, как конские копыта.

Я не успел испугаться. Просто понял, что мне лучше отсюда уйти. Если там и была девушка, то она ждала не меня. А если меня, то тем хуже.

Я вернулся к свету и оказался на небольшой площади с часами, где улица разветвлялась на два рукава. Покуда я размышлял, каким путем следовать, мое внимание привлекла железная решетка на воротах, ведущих в сад старой усадьбы. Так строили только в начале XIX века. Значит, архитектурная перепланировка Старого города началась уже давно. Если бы у меня с собой был путеводитель, я бы смог прочитать, что стою возле усадьбы Гусейн-Кули, последнего правителя Бакинского ханства. Этот хан был незаурядным человеком. Когда в 1806 году Павел Цицианов, грузинский князь на русской службе, с небольшим отрядом осадил Баку, он предложил хану Гусейну сдать крепость. К тому времени Азербайджан давно утратил самостоятельность и был лишь захолустной провинцией Персидской державы, разделенной на ханства для удобства управления. Так вот, Гусейн-Кули хан согласился сдать крепость. Когда Цицианов подъехал к воротам Старого города, Гусейн-Кули выехал ему навстречу. В момент, когда хан передавал Цицианову ключи от крепости, один из приближенных хана выстрелил в князя из пистолета. Смерть настигла Цицианова в момент торжества. Лишенный предводителя, русский отряд бросился прочь, а Гусейн-Кули хан в знак одержанной победы послал голову Цицианова в подарок персидскому шаху ¹³. Восток есть Восток – так можно было бы истолковать ответ горячего бакинского хана посланцу холодной империи Российской. И этот ответ... черт возьми... Он стоит того, чтобы над ним поразмыслить...

По-прежнему накрапывал дождь. Окошко на первом этаже дома справа было освещено тусклым белым светом. Я подошел и заглянул внутрь. Ковровая мастерская! Старинные, громоздкие деревянные станки для производства ковров, клубки ниток... Дверь оказалась незапертой. Внутри мастерской была пожилая женщина.

– Салам алейкум, бабушка, – сказал я.

– Здравствуй, – отвечала она по-русски.

– Можно к вам?

– Заходи, – согласилась она и, разглядев меня, спросила:– Откуда?

– Из Москвы. Увидел в окно– мастерская. Я такое производство впервые вижу...

– Убыточное, – уточнила бабушка.

– Но я сфотографирую?

– Конечно, фотографируй...

Город, как по волшебству, вдруг открылся сразу, без труда. А главное язык, русский язык– он работал. Я скажу больше: ему были рады. А ведь могли бы и забыть за 19 лет. Или просто не отвечать– из принципа. Могло быть много хуже, как в том дворе: когда сердце бьется, бьется в предчувствии встречи, а в результате ни-че-го не происходит и ты убираешься, так и не поняв, упустил ли ты шанс, подброшенный Судьбой, или просто благополучно избежал неизвестной опасности.

Рабочий день давно кончился. «Бабушка» была уборщицей. Я походил среди старых станков с деревянными рамами, на которые были натянуты крепкие белые нити основы. Цветные шерстяные нитки лежали на деревянных скамейках в клубочках. Иногда эти клубки были размотаны и цвета перемешивались, составляя какой-то неподвластный ни одному

¹² Держи его, держи! (азерб.)

¹³ Баку был взят осенью того же 1806 года. Обезглавленное тело несчастного Цицианова было перезахоронено в Тбилиси. Гусейн-Кули хан бежал в Персию.

мастеру сиюминутный узор. Я подумал о ткачихах— должно быть, они такие же женщины, как эта бабушка— простые, терпеливые. Ткут ковры, негромко переговариваясь о чем-то, прихлебывая чай, заедая кусочком пахлавы. Ковер— это исламская мандала, символическая модель мира, в которой нет ни одного случайного элемента, а все эти элементы, в свою очередь, собраны в космический порядок...

На скамейке среди клубочков цветных ниток лежали старинные ножницы. И впечатление было, что все это очень настоящее, *живое*, — и эти нитки, которые пушились на кончиках, как овечья шерсть, и большие тяжелые ножницы, и деревянные рамы станков, в которые были вкручены черные головастые винтики. Некоторые носили на своих круглых головках следы нетерпения— по ним явно били молотком— и эти вмятинки делали время почти осязаемым.

Потом в мастерскую кто-то вошел. Из-за станков я увидел мужчину.

Они поговорили с бабушкой по-азербайджански. «Из Москвы», — сказала она, удостоверяя мое право ходить и фотографировать. Но я, сделав несколько снимков, уже собрался уходить.

— Подставку под чайник купить не хочешь?— спросила напоследок бабушка, протягивая мне крошечный коврик размером 15 на 15 сантиметров.

— Сколько?

— Двенадцать манат, — сказала бабушка.

— Ого!— присвистнул я.

Ссыпал ей в руку горсть мелочи.

— Больше нет, — улыбнулся я, желая отблагодарить бабушку за гостеприимство.

Бабушка тоже улыбнулась. И мужчина, в свою очередь, улыбнулся мне, как давнему и хорошему знакомому.

В этом тоже был Восток— ничего не поделаешь.

Я вышел из Ичери Шехер как раз возле Девичьей башни. Темная, почти черная башня эта— самый древний символ Баку. В ней удивительно соединяются свойственная древним постройкам массивность и в той же мере присущее им загадочное изящество. Никто не знает, сколько ей лет. Археологические раскопы, окружающие ее и давно уже превратившиеся в самостоятельные музеи, обнажают толщи такой древности, что нелепо даже говорить о точной дате ее постройки. Во всяком случае, ширваншах Ахситан I (1160—1196), имя которого куфическими буквами¹⁴ начертано на ее стенах, лишь поновил древнюю кладку башни, которая изначально была воздвигнута как колоссальный храм и форпост огнепоклонников задолго до ислама и до христианства. Как оборонительное сооружение, своего рода форт у стен Ичери Шехер, башня может вместить в себя 200 воинов, способных выдерживать многомесячную осаду. И в то же время эта суровая твердыня есть средоточие любовного мифа Баку. Легенда о шахе, который влюбился в собственную дочь и, преступно домогаясь ее взаимности, заточил ее в башне, с крыши которой она, не выдержав позора, бросилась вниз— лишь самый расхожий из мифов, окружающих башню. Другой, гораздо более поэтический— о дочери шаха и о рыбаке, который приходил к ней прямо по морю (море тогда подступало к самой башне) и поднимался к возлюбленной по сброшенной вниз веревке... Казалось бы, им нужно лишь наслаждаться любовью и верить в то, что черные дни их разлуки пройдут. Но шах был хитер. Он сеял сомнения в сердце дочери. Он говорил: «Простой рыбак не может любить шахскую дочь, ибо никогда не постигь ему тайной красоты ее души. Не тела, а души. И вовсе не ты нужна ему, а мое царство!»

¹⁴ Куфическое письмо— древнейшая форма арабского письма, названная так по городу Куфа (близ Багдада)— от более современной письменности отличается отсутствием точек, черточек и прочих облегчающих чтение знаков; долгое время сохранялась в Азербайджане.

А к рыбаку подходили специально подсланные люди из простонародья и говорили: «Брось! Может ли шахская дочь любить тебя? Она лишь тешится тобой и забудет тебя ради богатого жениха, как только освободится...» Но рыбак не слушал их, он верил в свою любовь и в любовь своей возлюбленной, и эта вера помогала ему доходить по волнам до самой башни. Однажды он пришел и увидел, что его возлюбленная грустна. «Вправду ли любишь ты меня?»— спросила шахская дочь, измученная намеками отца. «Мне трудно доказать любовь свою в твоей темнице, — сказал рыбак. — Но однажды все изменится и мне нечего будет бояться». — «Так он и вправду хочет царства...»— подумала шахская дочь, вспоминая слова отца, и испугалась того, что подумала. Но рыбак ничего не заметил. Как и прежде, он спустился по веревке вниз и прямо по морю пошел прочь. «Нет, он не любит меня, иначе бы не ушел так скоро!»— подумала шахская дочь, и как только ее вера перестала поддерживать рыбака, он оступился в воду. Он понял, что возлюбленная не с ним в эту минуту, и страх потерять ее проник в самое его сердце. И едва проник туда этот страх, море разверзлось под ним, как бездна, и сомкнулось над его головой. Он утонул, а шахская дочь, поняв все, что случилось, бросилась вслед за ним с крыши башни...

Суфийская мудрость гласит: «Если любовь горит в этом сердце, значит, она горит и в том».

А если она дрогнула в одном из сердец?

Любой размен или усталость чувства— это провал, с первого шага по колено в море, а со второго— готово! Уже на дне...

Я не хотел бы морализировать на эту тему. Давайте просто представим, что рыбак не утонул. Он нашел себе рыбачку и обрел счастье с нею... А шахская дочь в один прекрасный день дождалась прекрасного принца, который влюбился в нее и взял в свой гарем любимой женой... Ни в том, ни в другом нет ничего страшного, и я не знаю, почему этот благоразумный финал не годится для притчи, но, видно, потому, что такая любовь не целит, не хранит, не пьянит по-настоящему, не прорастает в будущее: притчи про нее не слагают.

Я вспомнил ту девушку в темном дворе.

Если она оказалась на моем пути, то, видно, не для того, чтобы предложить бегло прописанный вариант бакинской love story.

Но для чего тогда?

Сидя у стен Девичьей башни на влажной скамейке, я вскрыл пачку сигарет Sobranie и закурил.

Рядом было несколько скульптур. Одна изображала тюркского воина на диком верблюде... Тюрки пришли сюда тысячу лет назад, после арабов, которые явились в VII веке как вестники новой веры— ислама. А до этого? Тут жили лезги, каспии, албаны... Кто были эти албаны? Поди знай. Во времена походов Александра территория Азербайджана входила в состав древней Мидии, подвассальной Персидской империи. Но кому и о чем это говорит? Нужна ссылка. Разъясняющие ссылки к моей книге грозят самопроизвольно разрастись в самостоятельное повествование. Точно знаю, что Кавказская Албания была христианской страной. И что огнепоклонники-зороастрийцы распяли апостола Варфоломея как раз у стен этой башни, прежде чем до них дошел смысл его проповеди. Потом их жестоко наказали воины ислама. Христиане, по Корану, были «людьми книги», и книга эта рассказывала об общих святынях и пророках— Мусе, Исе, то бишь о Моисее и Иисусе... Христиан никто не преследовал: с них поначалу просто брали налог. А вот зороастрийцев, несмотря на наличие у них «Авесты»— писания, по древности сравнимого с книгами Ветхого Завета, — преследовали жестоко, еще более рьяно, чем язычников¹⁵. Первоначально ислам был при-

¹⁵ Ислам, как иудаизм и христианство— монотеистическая религия, допускающая зло— воплощенное в образе Иблиса— лишь как несовершенное творение Господа. Зороастризм основан на признании двух равноправных начал, которые испокон

нят на завоеванных арабами территориях лишь правителями и их окружением. Христианство просуществовало здесь еще долго. Но в какой-то момент стало не до тонкостей. Знаете, как это бывает? Историческое время вдруг прямо из тихой живописной заводи обрывается вниз кипящим потоком. Приходят монголы Чингиз-хана, «человека тысячелетия». И дважды дотла разоряют страну. В 1225#м и в 1231#м. И надо как-то договориться с ними, потому что это— беспредел. Нужно, чтоб они оставили своих наместников, брали, как люди, дань... Тут не до христиан уже было...

Азербайджан— одна из немногих стран мусульманского мира, где прокламируется светскость и веротерпимость... Удастся ли этот эксперимент? Надолго ли он? Восток есть Восток. Нефть есть нефть. Большая игра— это безжалостная политика. И с любой терпимостью может быть покончено так же, как с армянами в 1990#м...

Трудно поверить, что на улицах этого прекрасного города группы погромщиков ходили из дома в дом, из квартала в квартал, сбрасывая людей с балконов, убивая ножами, чтоб насладиться дрожью агонизирующего тела, судорогой смертного страха, звериным воплем человека, обращенного в клубок огня, запахом горелого человеческого мяса и паленых волос...

Через девять дней, когда погром был закончен, появились бронетранспортеры, солдаты. Бессмысленный горбачёвский прием... Им приказали— они сделали— проехались. Сто тридцать трупов, весь Баку в трауре, женщины задыхаются от слез, лица погибших в траурных рамках, горы цветов. «Русские, армяне, евреи— вон из Азербайджана!» И что? Слава богу, прошло двадцать лет, и я сижу здесь на скамейке на краешке забвения, которое, я знаю, тонко... Мне только кажется, будто всего этого не было... И тем не менее отсутствие чувства опасности в этот ночной час— оно совершенно неподдельно... И я благодарен за это городу. За забвение... Прощение? Но мы ведь не покались в содеянном. Значит, и не можем быть прощены...

Стало холодно. Я встал и пошел к гостинице через бульвар. Несмотря на раннюю весну, он казался уже живым и любовно ухоженным: розовые кусты на клумбе были заботливо присыпаны опилками, некоторые деревья, явно редких и изнеженных пород, были обернуты мешковиной. Главный променад по-над морем находился в стадии последней отделки: часть его была уже выложена светлой, в серый песочек, керамической плиткой, но кое-где работы еще не были завершены и плитка в специальных контейнерах дожидалась утра, когда придут рабочие. Две-три фигурки в спортивных костюмах пробежали мимо, да компания молодежи— две девушки впереди, трое парней сзади— оживленно смеясь, но упрямо держась порознь— проследовала в сторону морского вокзала. Было слышно, как за спиной хлопает огромный, отяжелевший от сырости триколор Азербайджана. В небе над городом, словно мечи каких-то фантастических трансформеров, скрещивались лучи синего, красного, зеленого и фиолетового цветов: это прожектора освещали телевизионную башню. Баку по-детски обожает игру огней. Здесь даже большинство фонтанов— с яркой цветной подсветкой.

Перед сном я взял фотоаппарат и просмотрел отснятые кадры. Первый: тот самый двор, чуть смазанный. И ее лицо в темноте. Она смотрела прямо в объектив, как будто знала, что я приду, знала, что сфотографирую. Невероятно.

Я почувствовал вдруг, что объяснение необходимо. Не объяснение этому факту, а объяснение с ней, с этой девушкой.

Скорее всего, слова не нужны.

Есть правды слишком горькие или слишком нежные, чтобы о них говорить. Достаточно взгляда, чтобы почувствовать другое естество, незнакомую мне женственность. Чтобы узнать этот город, эту страну, нужна женщина. Лучше всего— есть такие психологиче-

века борются в мире— Спента-Манью (духа святости) и его брата-близнеца Ангро-Манью (духа зла), рожденных верховным богом Ахура Маздой. Поэтому принципиальный дуализм зороастризма вызывал такое неприятие со стороны мусульман. Хотя именно Заратустра поставил гармонию мира в зависимость от торжества справедливости и священной чистоты.

ские тренинги— было бы сесть напротив нее, соединить ладони и посмотреть друг другу в глаза. Почему-то, когда в разговоре участвуют руки, плоть, пульс, перебегающий из ладони в ладонь, кажется, что видишь человека насквозь, чувствуешь его, как самого себя, чувствуешь себя одним существом с ним...

Но ничего не состоялось. Меня не оставляло ощущение, что я прозевал самое главное. Что? Что нужно было сделать, чтобы она не исчезла? Я не знаю. Не понимаю...

Мозг начал подавать ощутимые сигналы тревоги.

— Слушай, что ты сигналишь?— сказал внутренний голос. — Ведь я знаю об этом не больше, чем любой другой. Ты хочешь сказать, что штучки такого рода не подразумевались, когда ты решился влезть во все это? Неправда. Когда ты отправляешься в дорогу, *все* подразумевается по умолчанию...

Дело не в любовном приключении. То, к чему меня приглашали, было не любовным приключением и не флиртом.

Это было приглашение войти.

И я отказался.

Меня подбросило в постели. «Так, вот оно что?»— «А ты только догадался...»— «Да, представь себе». — «Ты, как всегда, поберег себя: зашел к бабушке, снял пару кадров». — «А что, надо было лезть на рожон?»— «Да, представь себе, надо было...»

Внутри разверзлась жуткая тишина. — «И что же теперь: все потеряно?»— «Откуда я знаю? Может быть, и все». — «Не бывает так, чтоб все... Шанс остается...»— «Смотри не упусти». — «Может, подскажешь— как?»

Сна не было ни в одном глазу.

Пора было честно встать, заварить чай, включить компьютер и отвлечься работой.

Например, посмотреть, как эта тема выглядела, когда еще была вполне безопасной. «Тотальная география Каспийского моря»— так ведь, кажется, все это называлось? Ну, вот вам «Тотальная география»¹⁶. Когда-то я полагал, что эта глава станет первой главой моей книги. Потом структура её усложнилась, эссе, написанные в библиотеке, пришлось отделить от путевого дневника и книга разломилась надвое. Ее можно читать подряд, но можно время от времени нырять в повествование совсем иного стиля: из первой части книги сразу во вторую. Можно прочитывать сноски, которые есть еще одна размерность этой книги, но можно и не читать, поскольку они тормозят чтение. Каждый волен выбирать свой стиль путешествия в ландшафте собранных здесь текстов. В любом случае, в этой книге не скажешь всего, не меняя регистры и тональности повествования. Но как первая часть немногого стоит без второй, так и вторая теряет половину своих достоинств без первой. Поэтому, дорогой читатель, если тебя хоть сколько-нибудь увлек мой рассказ, загляни в дальние главы, забреди в далекие провинции— и ты вместе со мной окажешься там, где, может быть, и не надеялся побывать... А пока что— моя первая ночь в Баку. Я еще ничего не понимаю о Востоке. Просто курю, приоткрыв балконную дверь, и не могу заснуть...

¹⁶ См. Часть II. «Тотальная география Каспийского моря».

III. НЕВСТРЕЧА

Ночью меня все-таки продуло. В носоглотке чувствовалась какая-то кислая, еще неявная боль. За окном был серый день без признаков солнца. Серое море, серые силуэты портовых кранов и такие же серые коробки небоскребов за портом.

День тронулся вперед на малых оборотах. Азер опоздал на пятнадцать минут, завозил детей своего шефа в детский сад. Мы поехали в город и для начала осмотрели памятники времен первого нефтяного бума, которые мне грезились вчера и которые правительство решило-таки сохранить: немецкую кирху, превращенную в зал органной музыки, Национальный музей истории, занимающий целый квартал в стиле модерн, филармонию, Музей искусств и, наконец, особняки вроде «Дворца счастья» или «дома Хаджинского», которые во всем их архитектурном излишестве, рожденном к жизни избытком провинциальной фантазии первых нефтяных магнатов, теперь представляли собой, как и все прочие здания начала XX века, лишь экзотические вставки в дорогой монолит нового города. Весомо выглядели советские монструозы— Президентский дворец, Совет министров и здание парламента— придавленное, впрочем, гигантской стройкой. Будущее здание гостиницы «Flame Towers» («Башни огня»), призванной увенчать своим силуэтом город, возводилось с завидным знанием сопромата— оно буквально разламывалось на три куска, вернее, по замыслу, раскрывалось как бутон цветка тремя колоссальными лепестками. Лепестки должны были быть окрашены в цвета национального флага. Рядом с будущей гостиницей и парламент, и мечеть неподалеку от входа в парк Кирова казались просто игрушечными.

Мы припарковали машину.

И какого черта понесло нас в парк Кирова?

Я-то думал, это просто старый парк, который чудом уцелел здесь, на верхних ярусах города, несколько запущенных аллей, чуть оттаявший запах субтропиков, остановившиеся карусели, железная дорога для детей, обзорная площадка...

И вдруг мы очутились на кладбище.

— Что это?— спросил я Азера.

— Аллея шахидов.

— В каком смысле «шахидов»?

— Мучеников за веру, погибших за веру.

— На Карабахской войне?

— Да.

Все здесь вывернуто наизнанку^{17 18}.

Я почувствовал, как холодные капли дождя стекают у меня по виску.

Черные мраморные постаменты. На них во всех портретных подробностях были изображены убитые: в основном молодые мужчины. Симпатичные. Усатые. Таким бы жить да жить... По дате рождения большинство могли быть моими братьями. Но по числу прожитых лет я оказался значительно старше. Им было по тридцать. Мне— почти пятьдесят.

^{17 1} В своем изначальном мистическом значении слово «**шахид**» означает «свидетель», в котором Аллах прозревает свидетельство своего существования в человеке и который есть одновременно «искра Божия», «световой двойник» (просветленная духовная природа) человека и его вожатый в сверхчувственном мире. «Каким ты видишь *шахида*, таким и он видит тебя, и таков ты есть в себе самом. Твое созерцание стоит того, чего стоит твое существо; твой Бог есть тот, которого ты заслуживаешь; Он свидетельствует о твоем существе— светоносном или помраченном», — разъясняет это двуединство человека и его «вожатого» Анри Корбен («Световой человек в иранском суфизме», с. 126).

¹⁸ Концевые сноски (I, II, III и т. д.) см. в конце книги.

Пуля ударила мне в живот, и я минуту стоял не двигаясь, чувствуя, как острой болью приживается внутри ее беспощадная твердь, а из входного отверстия в теле безвольно выходит наружу сила жизни.

Я ничего не думал, ничего не ощущал.

Потом стал подниматься по лестнице, цепляясь за цементные перила.

Помню, было дерево, и по веткам его уже прыгали, пересвистываясь, птицы.

Мы оказались на смотровой площадке и смотрели сверху на город. Здесь валялись окурки, пахло мочой. Фуникулер не работал.

Город был виден как на ладони: и трилистник строящейся гостиницы, и синяя арматурная конструкция будущего центра «отца нации», Гейдара Алиева, явно предполагающая современную, нелинейную геометрию будущего здания, и подробные мелкие кубики Ичери Шехер, и даже мой Yacht Club. Море во весь горизонт: неопределенно-синего, скорее даже серого цвета. Капли дождя опять брызнули в лицо. Я вытер их ладонью – получилось, будто вытираю слезу. Твердь пули в животе мешала дышать. Я стоял, опершись на парапет, едва удерживая вертикальное положение.

– Забросили парк Кирова, – по-своему истолковал мое молчание Азер. – А раньше сколько было народу! Сколько раз мы сидели в этом ресторане!

Рядом со смотровой было разбитое здание без окон и дверей, с облупившейся со стен штукатуркой.

– В этом ресторане?

– Ну да. Никак не вспомню, как он назывался... Не могу вспомнить, представляешь... Всегда в нем сидели...

– Послушай, – сказал я. – А почему ночью так мало людей в городе? Такие дома вдоль всего проспекта – и никого...

– А ты посмотри вечером на эти дома.

– Что?

– Просто: посмотри вечером на эти дома...

Мы тронулись с площадки, обходя обнесенные невысокими парковыми оградками участки, на которых, видимо, до того, как парк был заброшен, выращивалась рассада или саженцы деревьев. Здесь и сейчас было тихо, уютно, как будто мы попали в какой-то сельский уголок, который не ведает иных забот, кроме заботы садовода: где-то еще стояли грабли, где-то лопата. Высокая жестяная голубятня, в которой, правда, не было ни одного голубя, венчала этот идиллический пейзаж. Потом снова поднялись к центральной аллее, но на этот раз очутились перед памятником английским солдатам, погибшим здесь в 1918–1919 годах. «Those Honoured Here Died in the Service of their Country and Lie Buried in Azerbaijan»¹⁹. Ну, Англия-то, по крайней мере, знала, чего хочет: эти солдаты пали, чтобы бакинская нефть не досталась ни Бакинской коммуне, ни объединенным силам тогдашней «армии ислама» и турок, которые мечтали вырезать комиссаров. Судьбу нефтяных приисков решали дни. Здесь, в Баку, тогда побывал английский разведчик, капитан Тиг-Джонс²⁰. Он оценил ситуацию правильно. Он понял, что нельзя терять ни минуты. Англичане держали тогда войска в недалекой Персии и сумели захватить контроль над нефтью прежде, чем это сделали активисты национального движения, руководимые неутолимym чувством мести по отношению к армянам, три месяца возглавлявшим коммуну в Азербайджане...

¹⁹ «В память о погибших здесь на службе своей Отчизны...» (англ.).

²⁰ Позднее имя капитана Тиг-Джонса как-то связалось с расстрелом 26 бакинских комиссаров в Туркестане. Шпиону не нужна была такая слава. Он сменил имя. Рональд Синклер: имя никому ничего не говорило. И лишь в 1990-м, с предисловием Питера Хопкинса, появилась книга «The Spy Who Disappeared», в которой Рейджиальд Тиг-Джонс (к тому времени уже два года как покойный) пролил, наконец, свет на подробности своего исчезновения.

Вновь это повторилось спустя семьдесят лет. Помните митинги, демонстрации, «народные фронты», все эти речи, в которых неясно, что— идеализм высокой пробы, а что— провокация? Горбачёв испугался: он не знал, что делать с неуправляемыми процессами истории. Кто-то, оставшийся в тени, имел свой взгляд на неуправляемые исторические процессы. Кто-то, глядящий вперед, взял их в свои руки. Явилась неумолимая воля. Возможно, последняя резня армян в Азербайджане имеет и такой подтекст: «Армяне не должны иметь касательства к нашим нефтяным запасам». Не должно повториться ошибки начала века. А лучше вообще *снять* эту застарелую проблему... Раз и навсегда.

Заточки делали прямо в цехах заводов. Потом грузовики доставляли по нужным адресам молодчиков и выпивку, чтоб «завести» толпу... В таких делах всегда все неясно, все передернуто, концы в воду, в страшных персонажах с уголовным прошлым угадываются фигуры провокаторов...

Армянам не забыть Сумгаит (1988). Азербайджанцы клянутся хранить вечную память о Ходжалы (1992). Всего несколько лет— и все! Не было злодейства, которое не было бы совершено одними людьми против других людей только потому, что у них другой язык, другая кровь и другая вера. Страдания невинных жертв и с той, и с другой стороны столь чудовищны, что их нельзя ни описать, ни искупить. Просто читая об этом, чувствуешь себя больным, будто вдруг сталкиваешься с настоящим злом. Злом, как оно есть.

В столкновении вихрей этого зла не может быть ни правых, ни виноватых. Не может быть правды как таковой...

Если бы на аллее шахидов вдруг встретились Христос и Мухаммад— о чем бы они говорили? Нет, они не были сентиментальными пацифистами, эти двое. И что такое мир людей, знали они слишком хорошо и судили о нем сурово. Но пафос... Они бы отринули его, как ложь... Они не задержались бы здесь...

Я бы тоже ушел отсюда, но что мне сказать о непреходящем чувстве сиротства на аллее, где погребены братья мои по человеческой доле? Сиротство зябкое, военное, с пулей в животе, с чувством, что пред лицом братьев моих я сам умираю...

Братья, не верьте.

Не верьте тем, кто говорит, что ваша смерть была угодна Богу. Не смерть угодна Богу, а милость. У Господа хватит любви на всех, но если ты, брат, погиб в одной из самых страшных войн, какие бывают в истории— а именно в войне этнической— это не то же самое, что кончина святого. Кто-то, может, и был тут святой; кто-то, может, спасал население мирной деревушки во время налета чужих бородатых боевиков. А кто-то сам участвовал в этнической «зачистке» и сам был бородатым и чужим. Прости меня, брат. Ведь ты хотел, чтобы я сказал правду? Я скажу: «...Если бы пожелал твой Господь, то Он сделал бы людей народом единым. А они не перестают разногласить, кроме тех, кого помиловал твой Господь»²¹.

Тебя, брат, Он, выходит, не помиловал. Он предназначил тебя не себе, а истории. Она призвала вас, она вложила в ваши сердца ослепляющий огонь и ярость, заставив взять в руки оружие, вы послужили идеальной смазкой, когда история захотела чуть-чуть шевельнуть своими старыми суставами... Кровь для старушки-истории! Что ж, ваши жизни не пропали даром: история принесла свои плоды... Может быть, они оказались горькими. Или мелкими. Может быть, вы вообще мечтали о чем-то другом. Но не о пуле же? Вы не ошиблись, вы просто сделали свой выбор, он оказался человеческим, слишком человеческим. Я убежден, где-то по ту сторону фронта, с той стороны зеркала, есть такое же кладбище, переполненное такими же красивыми парнями, связанными и, можно сказать, породненными с вами узами кровной ненависти, за которую они тоже заплатили жизнью. Выиграл ли кто-нибудь в результате? Сомневаюсь... Проиграл?

²¹ Коран. Пер. И. Ю. Крачковского, сура «Худ», 120.

В каком-то смысле проиграли все.

На аллее шахидов было так пусто, что на миг показалось, что это кладбище забвения, что аллея никому не нужна, кроме безутешных вдов и матерей. Разумеется, здесь все не так по большим национальным праздникам, когда под сенью национального флага...

Капля дождя снова попала в лицо, и я опять размазал ее по щеке.

– Как ты? – спросил Азер, впервые внимательно заглянув мне в лицо.

– Ничего, – сказал я. – Только я не был готов к этой встрече... с ними...

– Может быть, хочешь пообедать? – предложил он.

Внизу старые краны нефтяного порта, который в недалеком будущем подлежал сносу, заскрипели так, будто приоткрывались адские ворота.

– Пора ехать отсюда.

Мы сели в машину.

– А война... – спросил я, стыдясь своей неосведомленности. – Она кончилась?

– Нет, куда армяне занимают Карабах ²²...

– Но военные действия... Они больше не ведутся?

– Слава богу, не ведутся. Я вообще не понимаю, как это все произошло. С *нашими* армянами мы жили душа в душу! – неожиданно эмоционально отреагировал Азер. – Из-за этой проклятой войны половина Азербайджана спустилась в Баку. Беженцы! Прошло уже двадцать лет, а они все еще беженцы! У них льготы на жилье, на работу, у них – пособия. Баку больше нет с тех пор, как здесь каждый второй – беженец. Ни работу найти, ничего... Деревня...

Азер произнес свою тираду о беженцах с накопившимся чувством раздражения. В Москве такие интонации можно услышать, когда говорят о «понаехавших».

Мы ехали по грязной улице вдоль железной дороги. Тут клубилась толпа народу, будто рядом была барахолка.

– Здесь рынок?

– Да.

– Давай остановимся, я пить хочу.

– Вино пить хочешь?

– Нет, лучше гранатовый сок...

Прямо у входа в грязный, тесный, со всех сторон обнесенный бетонными заборами рынок два парня металлическим прессом величиной в полведра вручную давили гранаты. Я залпом выпил один стакан, потом второй. Будто красный сок граната сродни был крови, которой я почти истек там, на аллее шахидов. Силы вернулись ко мне.

– Больше ничего не будешь брать?

Мы прошли по рядам, на которых великолепными горами лежала роскошная, с розовым отливом, курага, ядра очищенных маслянистых орехов, красные, с синими прожилками, огромные, как сердце, помидоры, россыпи желтого и дымчато-сизого изюма, молодые овечьи сыры, похожие на выпеленутых из мутной плаценты зародышей...

Я заглянул в пролом забора, за которым оказался рыбный ряд, как вдруг два женских глаза, как рыболовные крючки, поймали мой взгляд. Темные, цыганские глаза азартно блеснули. Обладательница этих глаз, курчавая и дикая красotka, повелительно крикнула:

– Иди сюда!

В руках у нее переливались медью чешуи два карпа.

Я рассмеялся и махнул рукой: уж чего-чего, а на цыганские штучки меня не поймаешь!

Базар галдел за спиной, когда мы вернулись к машине.

²² Карабах – обширная нагорная область, населенная до Карабахской войны смешанным армянским и азербайджанским населением. Во времена СССР считалась автономной областью Азербайджана.

Улица, по которой мы ехали, называлась Завокзальная. Прилепившиеся друг к другу лавчонки по продаже снеди, автозапчастей и стройматериалов, дыры в бетонном заборе— через пути напрямик к вокзалу, гудки тепловозов, несколько крошечных закусовых и этот рынок напротив...

Я догадался, что совсем недавно так выглядели все окраины Баку. Теперь столица независимого Азербайджана срочно избавлялась от этой порчи: и хотя чувствовалась явная нарочитость в том, как город, будто надоевший грим, стирает с себя все признаки «советскости», нельзя было не согласиться и с тем, что все это— из знакомого и в прошлом, может быть, даже любимого, но только уже очень старого фильма, который невозможно смотреть до бесконечности...

Последний оплот советского градостроительства мы увидели около дорожной развязки, напротив помпезного отеля «Эксельсьор» и будущего центра Гейдара Алиева. Это была почерневшая от времени пятиэтажка. Она была так всесторонне обжита, так изношена, закопчена и устрашающа во всей своей голой нищете пред лицом творений гораздо более пафосных, что было непонятно только одно: как она здесь уцелела?

— Все дело в том, что эта пятиэтажка занята беженцами, — не без яда сказал Азер. — И они не уйдут отсюда, пока каждой семье не отвалят денег на отдельную квартиру, понимаешь?

Он притормозил.

Обвешанная со всех сторон помятыми телевизионными «тарелками», пропитанная какими-то помоями, вылитыми из окон, почти черная, пятиэтажка напоминала допотопный корабль, внезапно появившийся в приличном порту и угрожающий всем остальным эпидемией холеры на борту. Повсюду вокруг пятиэтажки сидели на корточках люди. Нужно прожить в Азербайджане чуть больше, чем неполные двадцать четыре часа, чтобы понять, что нефть— в том количестве, в котором она добывается сейчас в республике— может обеспечить каждому хотя бы прожиточный минимум. И любой человек, имеющий статус беженца— правда, не у всех он есть— получает пособие в 600 манатов (или 600 евро). Нефти хватает на то, чтобы богатые были богатыми, а бедняки были освобождены от труда. И вот они сидят вокруг своей пятиэтажки, похожей на чумной карантин, и ждут, когда она станет настолько безобразной, что правительство не выдержит и выкупит ее у них за круглую сумму, для того чтобы снести. Чем безобразнее будет их дом посреди новой столицы, дом, покрытый латками, через которые сочится человеческий гной, тем большую цену можно назвать, продавая его. Целыми днями они сидят на корточках, курят сигареты и сплевывают на землю...

Они— подлинные жертвы Карабахской войны, ее инвалиды. Тем более те, кто ушел в «беженцы» добровольно. Таких немало. Человеку, добровольно отказавшемуся от сокровища, от мира, которым был дом, сад или виноградник деда, ради того, чтобы променять их на статус беженца, променять труд на попрошайничество, терять уже нечего...

Но ведь я не за тем сюда ехал, не за тем...

Я опускаю руку в пакет с курагой и киш-мишем, купленными на рынке, набираю горсть и протягиваю Азеру:

— Хочешь?

IV. ВСТРЕЧА

Небо чуть приподнялось, дождик больше не пробрызгивал. Мы прошли по ровной площадке, огороженной балюстрадой, с которой открывался вид на бесконечный, продолжающийся во все стороны, до самого моря вдаль, мир крыш. Море в этом пейзаже выглядело каким-то условным элементом вроде театрального задника.

– Слушай, – сказал Азер, – Чего ты все-таки хочешь?

– Понимаешь, – сказал я, – когда я приезжаю в незнакомый город, я всегда иду на рынок, в книжный магазин и в местный храм. Но в мечети я чувствую себя неловко. Ты сказал, тут пир ²³. Мне эту аллею шахидов с себя стряхнуть хочется...

– Правильно, – сказал Азер. – Место подходящее... Тут тебя встряхнут!

Я обернулся. Внутри площади была еще одна выгородка, за которой почему-то стояла миниатюрная нефтяная «качалка», гоняющая по замкнутому циклу воду, и мавзолей, обрамленный кипарисами и небольшими деревцами вроде вишен, которые еще не цвели, но уже пробудились к жизни, тлеющей под красноватой корою и готовой вырваться, выстрелить кипенным белым цветом из набухших почек.

Место это на окраине Баку называлось пир Хасан – в честь захоронения суфийского учителя, умершего в XVI веке. Но центром паломничества оно стало из-за одного странно завершившегося разговора, который состоялся между знаменитым мудрецом Абу-Турабом и не менее, чем он, известным в Азербайджане человеком – Гаджи Зейналабдином Тагиевым.

Путешествуя, невольно поглощаешь самые разные сведения в количествах, опасных для любого сочинения, будь то даже обычный путевой дневник. Но мы ведь продолжаем наше исследование действительности. А Тагиев – слишком яркая фигура, чтобы в таком деле обойти его стороной. В нем выявился подлинный гений азербайджанского народа, гений жизненного обустройства и небывалых начинаний: достаточно сказать, что до революции 1917-го Тагиев был одним из самых богатых бакинских нефтепромышленников. Родился он так давно, что нам попросту трудно представить себе это время – в 1823 году, в семье башмачника. А умер уже после революции. Взлет его совпал с началом первого нефтяного бума. Его прежняя жизнь, полная неустанных трудов, которые позволили ему, сыну ремесленника, выбиться в люди, была буквально взорвана. Ему было уже за пятьдесят, он был владельцем нескольких мануфактурных лавок, небольшого керосинового завода и участка арендованной земли неподалеку от Баку, когда в 1878 году на этом участке ударил нефтяной фонтан. Ба-бах! Тогда еще цена на нефтеносные участки была невысока, он прикупил 30 десятин ²⁴ нефтеносной земли – и началась феерия. В буквальном смысле слова – новая жизнь. Он неожиданно стал очень богат. Причем чем невероятнее становилось его богатство, тем шире расточалась его щедрость. Всю жизнь он осуществлял грандиозный план преобразования своей родины в просвещенный и процветающий край. Как бывший каменщик, он начал со строительства. Говорят, Тагиев хотел построить в Баку 100 домов, но успел только девятью девятью. Он открыл в городе первую в исламском мире школу для девочек. Для этого ему пришлось задобрить щедрыми дарами императрицу Александру Федоровну (жену царя Николая II) и отправить своих посланников, духовных лиц в Мекку и Медину, чтобы добиться от тогдашних имамов разрешения на школу. Когда в школу пришли первые 20 учениц, это был подлинный переворот в сознании народа! Очень быстро выяснилось, что школе не хватает преподавателей – и он открыл двухгодичные курсы для учителей.

²³ Пир в культуре шиизма – особо почитаемое место, обычно связанное с культом святого.

²⁴ Десятина – старая русская мера площади, равняющаяся 1,092 гектара.

В 1915 году в Баку было уже пять женских школ. Тагиев тратил на просвещение в Азербайджане в несколько раз больше, чем государство! Ежегодно он отправлял 20 талантливых юношей на учебу в разные университеты мира. Основал на Апшероне две школы земледелия и садоводства... Простое перечисление сделанного им не влезает в строку, норовит расшириться все новыми и новыми подробностями... Первый городской драматический театр, первый трамвай на конной тяге, первый в городе водопровод... Даже первый автомобиль был у Тагиева— а уж потом у Ротшильда. В голод 1892 года он наполнил зерном хлебные амбары и когда спекулянты подняли цены на хлеб, за свой счет кормил народ. Он добился перевода Корана на азербайджанский язык, собрал библиотеку русской и мировой классики, при этом всю жизнь оставаясь неграмотным! Кроме того, он поддерживал несколько школ в Персии, исламскую газету в Индии, был председателем армянского, еврейского, мусульманского и русского обществ в Баку. И вот, когда слава его как мецената была в зените, а богатство воистину не знало пределов— помимо нефтепромыслов, казну Тагиева щедро пополняла выстроенная им грандиозная ткацкая фабрика и рыбные промыслы на Каспии от Махачкалы до Баку— и состоялся памятный разговор Тагиева с Абу-Турабом.

Абу-Тураб— ученый богослов, настоятель одной из крупнейших мечетей в Баку, просветитель— был старым другом Гаджи Зейналабдина Тагиева. Он даже отдал в его школу для девочек свою дочь, хотя многие духовные лица, не одобрявшие эмансипации, упрекали его за это. Разговоры по душам не были редкостью между друзьями. И однажды Ахунд мирза Абу-Тураб сказал своему другу, миллионеру Тагиеву, что тот, возможно, чрезмерное значение придает своей материальной, светской деятельности, невольно упуская из поля зрения Аллаха. «На что ты будешь опираться, если все, что ты имеешь, однажды исчезнет у тебя?»— спросил Абу-Тураб. Миллионер Тагиев два часа поутру посвящал слушанию газет на русском, азербайджанском и арабском языках, чтобы быть в курсе мировых событий. Но при этом он был и глубоко верующим человеком. Однако вопрос друга прозвучал так неожиданно, что Тагиев был поставлен в тупик: «Что значит «исчезнет?»— с удивлением спросил он. — Слава Аллаху, видящему, милосердному, все это богатство по воле Господа пришло ко мне в руки— так куда же оно денется? Дворец в Баку, особняк в Москве, два имения в Персии, рыбацкие шхуны, грузовые суда, нефтяные вышки, английские ткацкие станки— все то, что крутится, движется, работает, питает страну, поддерживает просвещение, — куда оно может «исчезнуть»?

Абу-Тураб промолчал. Он умер в 1910 году, перед смертью попросив похоронить его подле могилы святого Хасана, которого считал образцом совершенного человека.

Прошло десять лет. В 1920-м большевики, практически не встречая сопротивления, овладели Азербайджаном. Председатель Совнаркома красного Азербайджана Нариман Нариманов когда-то выучился на деньги Тагиева. Поэтому он не стал его никуда вызывать, приехал к нему сам. Он сказал по хорошему: уважаемый отец, Гаджи, пожалуйста, выберите себе дом, где вы будете жить, остальное все равно придется отдать... Все отдать...

Тагиев попросил дачу в Мардакянах. Революция страшно прокатилась по его семье: один из сыновей, будучи офицером «Дикой дивизии»²⁵, неудачно сыграл в «русскую рулетку» и разнес себе голову выстрелом в висок, другой сошел с ума... Все рушилось. Благодаря удивительному здоровью Тагиев прожил 101 год и перед смертью велел похоронить его у ног своего друга, Ахунда Тураба:

— Ибо нготь его ноги знал то, что я не мог себе даже вообразить...

²⁵ Кавказская туземная конная дивизия— сформирована в августе 1914, на 90 % состояла из добровольцев-мусульман, уроженцев Северного Кавказа и Закавказья. В годы Гражданской войны принимала активное участие в боевых действиях на стороне белых.

Вот в каком драматическом месте мы оказались. Здесь была поставлена последняя точка в разговоре двух старых друзей. Правда, Тагиева похоронили не «в ногах» у Ахунда Тураба, а неподалеку. Когда комплекс пира Хасан приводили в порядок, над могилой Тагиева возвели купол на изящных высоких колоннах. Рядом стоял бронзовый бюст...

Однако мне нужно было не это.

Мы прошли по дорожке в глубь территории: там было здание с колоннадой, назначение которого я не запомнил, а напротив – два невысоких мавзолея. Возможно, один из них и был возведен над могилой святого Хасана, потому что Азер мне потом несколько раз повторил, что это очень «сильный» пир. И действительно, там со мной стали происходить воистину странные вещи...

Нам пришлось подождать: внутри были какие-то женщины, их одежда висела у входа, потом они вышли. Азер зашел внутрь, о чем-то поговорил и через минуту позвал меня:

– Иди. Только куртку сними, свитер... Оставь снаружи.

Я снял одежду, спустился по ступенькам в небольшое низкое помещение, в центре которого стояло надгробие из известняка. Справа сидела женщина в черном платке, в пестром, но темном платье.

– Подойди, – позвала она приветливо. – Садись. Расстегни рубашу, закатай рукава...

Я посмотрел в ее глаза – они были синими и казались глубокими, внимательными... Страх не было. И в следующий миг я поплыл... Не знаю, как она это сделала, но я сразу ощутил, что я уже не здесь. Тлеющими палочками она легонько прижала мне запястья, руки на сгибах локтей, живот, две точки на лбу, одну на шее, потом на спине и колени. Потом попросила три раза обойти вокруг пира, закрытого в это время блестящей материей. Я как заговоренный прошел первый круг. На втором круге она пошла вслед за мной, подняв над моей головой какое-то покрывало. На третьем круге остановила меня и попросила обнять это надгробие... Все это время она гладила меня каким-то твердым предметом (или это был ее твердый, как железо, палец?!) вдоль позвоночника. После этого я, как мне казалось, подошел к надгробию с другой стороны: там покрывала были откинуты, и оно уже не казалось сделанным из белого известняка, скорее, оно было из майолики. В цветной глазури были сквозные отверстия, куда надо было вставить пальцы обеих рук и загадать желание. Я стал было просовывать пальцы – но они не слушались меня. Неожиданно я почувствовал прикосновение рук к этим непослушным пальцам – это были руки женские, горячие, легкие – и кисти мои словно ожили под этими руками, и пальцы сами вошли в дырки...

– Проси, – сказал голос, в то время как руки... Я все время чувствовал эти руки... Не думал, что они у нее такие нежные...

Я не знал точно, о чем просить, мне только хотелось, чтобы меня покинуло чувство сиротства, пронзившее меня на аллее шахидов, чтобы затянувшаяся невестрача с городом обернулась, наконец, встречей, чтобы эта земля открылась мне, приняла меня, ответила мне, как угодно мне ответила, но только не оставалась бесчувственной, немой...

Я не произносил вслух этих слов, но едва успел все это подумать, как испытал невообразимое облегчение – как будто кто-то сказал: да, да, это будет тебе, будет...

И душа успокоилась.

Я стал приходить в себя, обернулся – и увидел женщину. Уже другую. Она была в синем платке, повязанном так, что видны были только часть носа и глаза. Эти глаза я узнал сразу: темные, с тюркским разрезом. Это была она, девушка из самолета! Похоже, она заметила изумление узнавания в моих глазах, потому что ее ладонь и пальцы охватили мой затылок и подтолкнули меня к выходу.

– Иди, иди, – сказал ее голос.

Потом я смотрел, как режут барана. Баран лежал со связанными ногами на белом кафельном полу. У него была чистая шерсть, белая, меченая синей краской. Рядом на белом

кафеле лежали блестящие, чистые, без единой капли крови, внутренности другого барана, зарезанного, видимо, раньше. Потом из подсобки вышел мужчина, слегка небритый, в несвежей, хотя и белой, в синюю полоску, рубашке и серых джинсах. Он взял два ножа и наточил их друг об друга. Потом присел, аккуратно положил голову барана в кафельный желоб, почти ласково взял его за шею одной рукой, а другой одним движением перерезал ему горло. Рана распахнулась: в алом зеве разреза видна была трубка пищевода и кровь, короткими пульсациями брызгающая из перерезанной артерии в белый кафельный желоб. Мужчина некоторое время удерживал барана, как бы унимая его смертную дрожь, но потом сердце барана перестало выбрызгивать струйки крови, мужчина выпрямился, развязал барану путы на ногах, потом в два счета снял с него шкуру, вынул внутренности, отрезал голову, голяшки ног и подвесил освежеванную тушу на крюк.

– Что это было, Азер?– спросил я, когда мы тронулись обратно.

– Это был правильный баран, правильно зарезанный мусульманином. Чистая пища, «халал».

– Что?

– Исполненный обет, услышанная молитва– не остаются без ритуальной трапезы.

– Нет, я вообще не о том. Ты видел, как я вел себя в этом пире?

– Ну да.

– Почему у меня ощущение, что я обходил два разные надгробия: одно было из известняка, цельное, белое, второе– цветное, с дырками, куда я просовывал пальцы?

– Так и было: сначала в пире Хасан, а потом в этом, втором... Там какая-то святая лежит, сейидка ²⁶. Ты там пальцы-то и просовывал...

– Пальцы помню... Не помню, как переходил из пира в пир. Там женщина была– другая, да? В синем платке? Молодая?

– Что, понравилась?– рассмеялся Азер.

– Да я не про то...

– Про то, про то, – опять усмехнулся Азер.

²⁶ Сейиды– потомки (в наше время уже– отдаленные) пророка Мухаммада по линии его дочери Фатимы и его двоюродного брата и зятя имама Али. Почитаются мусульманами-шиитами.

V. ЭМИЛЬ

С Эмилем мы встретились недалеко от гостинцы, на бульваре под Флагом. Я прождал лишние пять или семь минут, влажное полотнище флага грохотало над моей головой, ветер дул одновременно со всех сторон, и я подумал, что это бакинское тепло ранней весны— оно обманчиво и коварно, я не переставал чувствовать себя простуженным, а завтра предстояло ехать далеко за город— на Гобустан. А потом он появился, и я сразу угадал его— высокий, лет тридцати пяти, правильные, почти неестественно тонкие черты лица, черные, пронзительные, ясные глаза, волосы, явственно более длинные, чем предписано местной негласной традицией, приятный негромкий голос...

Мы познакомились. Я объяснил, что меня интересует Гобустан— ведь он наверняка не раз бывал там.

— Съемку по Гобустану можно посмотреть в редакции, — согласился Эмиль. — Но я предлагаю сначала совершить небольшую экскурсию по Старому городу. Вы там уже были?

— Вчера ночью немного погулял, но с удовольствием...

Мы отлично прошлись. Ичери Шехер жил обычной жизнью туристического центра. Но Эмиль, не обращая внимания на ковровые магазины и лавки торговцев антиквариатом, показал мне *свой* город с пристрастием коренного бакинца. Наибольшее впечатление на меня произвел дворец ширваншахов— правителей средневекового государства Ширван, в 1501 году павшего под ударами неотвратимого шаха Исмаила Сефеви ²⁷. Дворец представлял собой небольшой, но очень крепко связанный архитектурный комплекс из светло-желтого известняка. Выстроенный в два этажа, он не казался особенно роскошным. Правда, покрытые некогда небесной глазурью купола дворца и мечети пострадали во время бомбардировки города русской эскадрой в 1806#м, а позднее, когда во дворце разместился русский гарнизон и арсенал, внутренние его покои были перестроены, из двадцати пяти комнат верхнего этажа было сделано шестнадцать и от отделки ничего, естественно, не сохранилось.

Сотрудница музея, которая вызвалась провести экскурсию, была пожилой и доброй женщиной, никакого упрека ни за две дыры, проделанные русскими ядрами в куполах, ни за то, что дворец был отдан на постой солдатам, она не вкладывала в свои слова. Просто такой была память народа. И правда о том, как создавалась Империя— чего мы, изучавшие историю при социализме, естественно, знать не могли.

Хотя, в общем, следовало бы. Резиденция ширваншахов была выстроена Халиллом Улахом I (1417–1465), окончательно перенесшим столицу из цветущей, но сейсмически невероятно опасной Шемахи на неподвижный известняк Апшерона, в Баку. Дворец— воистину драгоценный, как принято теперь говорить, артефакт, сохранившийся от почти 700#летней истории Ширвана— средневекового государства, существовавшего на территории нынешнего Азербайджана. Исключительная ценность дворца понятна: бурный конец Ширвана в схватке с шахом Исмаилом, гибель на поле боя последнего ширваншаха Фарруха Ясара (1465–1501), взятие персами Баку, уничтожение всего архива рукописей, запечатлевших историю Ширвана, разграбление и разрушение цитадели Бугурт, сокровищницы ширваншахов в предгорьях Большого Кавказа, и, наконец, фатальная гибель от очередного землетрясения старой столицы— Шемахи— все это в какие-нибудь двадцать лет стерло память о древнем Ширване ²⁸. Главным свидетельством о нем остался дворец, полный загадок.

²⁷ Шах Исмаил (1487–1524)— шах Ирана. По материнской линии праправнук Кало Иоанна Комнина, последнего христианского правителя Трапезунда. Восстановил целостность и независимость Ирана через девятьсот лет после сокрушения персидской империи Сасанидов войсками ислама— арабами.

²⁸ Так что Пушкин, пустив в свою «Сказку о золотом петушке» «шамаханскую царицу», уже воспринимал Ширван как миф, страну обманчивой неги, каким он был лишь в редкие десятилетия покоя до монгольского нашествия. Походам

Потайные комнаты и подземные ходы, система акустических «телефонов», связывающих этажи и отдельные помещения; мавзолей суфия, громадный банный комплекс, семейная усыпальница и тихие садики с бассейнами, где плавают медлительные золотые рыбки, которые своим безмолвным присутствием не могут помешать ни беседе, ни размышлениям— вот какое сложное, многоуровневое и многофункциональное устройство венчало собой архитектурный ансамбль Старого города. Наиболее загадочным во дворце оказалось помещение, которое обычно называют диван-ханэ (зал для совещания советников и министров ширваншаха). Но есть и другое мнение: что это не зал, а мавзолей, который возводил для себя последний властелин Ширвана Фаррух Ясар. Но поскольку постройка не довершена (непроработанными остались некоторые детали резьбы), а тело несчастного ширваншаха не было даже найдено на поле боя, гипотезу нечем подкрепить. А непосредственно под мавзолеем находятся тайные подземелья, а в них— исцеляющие от нехватки материнского молока священные колодцы...

Дворец скрывал тайну зодчего, имя которого можно прочесть, поймав в зеркало фриз главного портала, глядя на который обычным взглядом, можно прочесть лишь имя правящего шаха и каноническое изречение о Судном дне. Свое имя архитектор начертал в зеркальном отражении: Мемар-Али. Эта загадка так и не была разгадана до XX века, когда появились ясные, не металлические зеркала...

Дворец-загадка... Эмиль знал, куда привести гостя...

Исподволь я наблюдал за ним.

Аристократизм— вот слово, которое непроизвольно рождалось из этих наблюдений. Достоинство. Осанка: голову свою Эмиль нес высоко. Негромкая, но выразительная, без единой неправильности, русская речь, изысканная вежливость и в то же время некоторая отстраненность, как будто, прогуливая меня по территории дворца, Эмиль не переставал думать о чем-то своем.

Начало уже смеркаться, когда музей стали закрывать и мы отправились в редакцию. Она размещалась в глубине Старого города, в каком-то глухом дворе, вход в который Эмиль отпер своим ключом. Во дворе лежала огромная сломанная ветром ветвь старого дерева.

— Март— самый ветреный месяц в Баку, — сказал Эмиль. — Слышишь, как воет ветер?

Я взглянул вверх. Мы стояли на дне двора, как на дне колодца. Я разглядел наверху какую-то обмазанную глиной и укрытую полиэтиленом лачугу, никак не вписывающуюся в парадный ансамбль Ичери Шехер, но, очевидно, оставшуюся со времен какой-то принципиально иной достоверности этого места. На снимках начала XX века Старый город похож на Бухару— глинобитные мазанки, лепящиеся одна к другой, как соты насекомых...

В редакции никого не оказалось. Это, похоже, вполне устраивало Эмиля. В этот поздний час он здесь чувствовал себя хозяином.

— Показать тебе что-нибудь?— видимо, мои фотографические опыты во время нашей экскурсии не ускользнули от его внимания, и он, в некотором смысле, теперь предлагал мне разделить с ним радость *своего* творчества. Папки в компьютере лопались одна за одной, открывая настоящие россыпи сокровищ.

— Это Средняя Азия. Остатки построек времен Хорезма. Я взял такси на целый день и попросил отвезти меня в пустыню, где они стоят до сих пор... Дождался вечера. Снимал на закате...

безжалостного Тимура, разорвавшим традиционные торговые связи, мы обязаны еще одним почти сказочным сюжетом— снаряжением ширваншахом Фаррухом Ясаром (1465—1501) посольства в далекую Московию и появлением на земле Ширвана первого русского, который когда-либо видел землю нынешнего Азербайджана своими глазами,— это был тверской купец Афанасий Никитин, о чем он сам и рассказал в книге «Хождение за три моря».

Я медленно— и, надо заметить, третий раз за один день— погружался в измененное состояние сознания. Снимки, которые я видел, особым образом резонировали во мне. Мне казалось, я всю жизнь хотел увидеть как раз это...

— А это Тибет. Просто горы. Я люблю горы.

Потом была серия абстракций: снимков грязевых вулканов. Такой вулкан, который может быть совсем маленьким, не выбрасывает ничего, кроме воды, пара и жидкой красноватой или серой глины. Но края кратера или дыхальца могут обрасти какой-то невообразимой перламутровой пылью или желтыми, как живые цветы, серными наростами. Русло грязевого потока может быть изысканно-серым, почти голубым, и если оно пролегает по терракотовой подложке, а в воде, выплунутой вулканом из маленького кратера, отражается розовый отблеск заката— то это такое совершенное творение мастера-природы, что мы впали в своего рода транс, рассматривая фотографии. По-настоящему Эмиль знал красоту камня. Магию минеральной жизни. Оторваться было невозможно, это было настоящее колдовство...

— Где это снято?— спросил я.

— Недалеко, — он разворачивал мою карту, — здесь... Вот. Впрочем, карта так себе. Можем посмотреть космическую съемку.

Поисковик Google немедленно выдал местность в нужном масштабе.

— А вот, кстати, Гобустан, — словно вспомнил о чем-то Эмиль. — То место, куда вы поедете завтра...

— Ну-ка, ну-ка...

— Наскальные рисунки есть повсеместно, но в основном они в трех местах: вот здесь, на холме под горой Джингир, основная группа— на Беюк-даше, там их обнаружили, и контора заповедника тоже там, и есть еще множество интересных на Кичикдаге, если только вы туда доберетесь... Учти, это большие расстояния, несколько десятков километров...

— Так, а вот это что?— ткнул я в экран, заметив какие-то складки рельефа, необъяснимым образом стягивающиеся в одну точку.

— Это тоже грязевой вулкан. Их тут два, видишь? Эти высокие— метров по четыреста— Кягниздаг и Турагай...

На время я словно оглох. Карта приковала меня к себе: если, например, двигаться отсюда... Или отсюда...

— Послушай, — сказал я. — А если добратся до края вот этого плато, где мы будем— то далеко до ближайшего вулкана?

— Понимаешь, — сказал Эмиль, — там надо проделать один небольшой трюк.

— Какой трюк?

— Надо свернуть с шоссе на нижнюю дорогу, которая ведет в каменоломни. Там, кстати, есть несколько интересных камней, на которых скалолазы тренируются... Когда я там тренировался, надо было дойти до поворота, где дорога начинает подниматься вверх... Там тоже сумасшедшие камни... И вот от поворота до вершины вулкана— уже близко. Спустился— поднялся. Час— туда, час— обратно.

— Час— туда, час— обратно...

Больше я уже ничего не помнил. Мы вышли из редакции, когда на дне нашего двора стояла тьма, хоть глаз выколи. Только где-то на полпути к небу трепетала на ветру и теплилась каким-то первобытным светом лачуга наверху.

Эмиль запер ворота. Ему надо было ехать домой в какой-то дальний микрорайон.

— Ну что, пока?— сказал он.

— Еще увидимся, — убежденно ответил я.

VI. ЗАБЕГАЛОВКА

Оставшись один, я понял, что голоден. Где ближайшее к гостинце кафе, я так и не успел узнать и, отправившись наугад, вновь вышел на проспект Нефтяников. Слева было светло, там высились красивые дома, образующие фасад города с моря. Справа сразу за перекрестком сгущалась тьма, в которую были вкраплены красноватые и зеленые огни жалких вывесок. Я повернул налево. Довольно быстро я достиг первого дома, но в роскошном цокольном этаже не было ничего, кроме бутика дорогой одежды от Burberry. В следующем доме был такой же роскошный бутик обуви и изделий из кожи Sergio Rossi. Я тупо остановился у витрины, уставившись на красивые красные туфли, но тут же привлек внимание секьюрити: охранник бесстрастным взглядом отсканировал мою куртку, рюкзак и джинсы и, не говоря ни слова, исчез за прозрачными дверями. Это несколько отрезвило меня. Я поглядел сквозь витрину внутрь магазина: там не было ни одного человека. Более того, я опять оказался на улице совершенно один. Прохожие, недавно справа и слева обтекавшие меня, куда-то исчезли. Оглядываясь, я поднял взгляд выше и заметил, что в доме с бутиком Burberry нет ни одного освещенного окна. Я посмотрел на соседний дом – то же самое: двадцать два этажа темноты. О, черт! Весь этот роскошный парад домов, выходящих фасадом на море, необитаем! При этом все дома были искусно сверху донизу подсвечены укрепленными на их стенах цветными прожекторами. Игры света и теней, темных провалов и ярких поверхностей создавали полную иллюзию *жизни* этих домов. И, однако, я брел по необитаемому городу...

Пришлось повернуть назад. Довольно скоро на моем пути опять стали попадаться редкие прохожие, я опять стал причастен к жизни людей, а не бутиков, и так, следуя за людьми, я вступил в темную, освещенную только всплесками фар несущихся автомобилей, часть проспекта Нефтяников. Первая вывеска на азербайджанском языке, еле тлевшая в темноте, привела меня к низкой полуподвальной норе, в которой размещался ночной магазинчик, где продавались пиво, вода, шоколад, какие-то печенья, орешки и прочая *несъедобная еда* международного производства.

Вторая вывеска, неприятно и нервно мигающая красными вспышками, скрывала за собой теплый пар, запах съестного и несколько столиков. За ними расположилось шесть или семь одетых в немодные кожаные куртки мужчин, которые, неторопливо разговаривая, пили пиво, курили и играли в карты. Мой приход несколько сбил их с размеренного ритма их занятий, они явно были здешними завсегдатаями и не ждали пришельцев со стороны. Но голод – не тетка, я увидел незанятый столик и устремился к нему. Меню на азербайджанском языке ничего мне не сообщило, поэтому, когда подошла хозяйка – довольно еще молодая, но сильно расплывшаяся женщина, по-свойски распорядившаяся среди своих посетителей в халате и черных колготках с дырками, – я обратился к ней по-русски:

– Добрый вечер.

– Добрый вечер, – отвечала она любезно, хотя чувство любопытства явно пересиливало в ней все остальные эмоции.

Несомненная удача: русский она, по крайней мере, понимала.

– Что-нибудь поужинать... Люля-кебаб, зелень, лаваш, чай...

– Люля-кебаб нет, шашлык... – произнесла она, не без труда подбирая забытые русские слова.

– Ну и отлично. Шашлык, огурцы-помидоры – есть?

– Ест.

– Зелень, чай, лимон...

Она записала что-то на бумажке и удалилась за портьеру, отделявшую зал от кухни.

Я же, не в силах более удерживать внутри то, что было пережито за этот день, достал тетрадь и, примостив ее на уголке стола, чтобы она не слишком бросалась в глаза, принялся записывать... Про аллею шахидов, про пир Хасан, про Эмиля, дворец ширваншахов, эти дома без огней...

Я очнулся, когда голос хозяйки над моей головой произнес:

– Вы пишете?– глаза ее выражали неподдельное изумление.

– Да, пишу.

– А зачем?– в ее глазах пылал огонь любопытства, когда она ставила передо мной тарелку с двумя палочками шашлыка.

– Я первый раз в Баку, много впечатлений, вот и записываю, – честно сказал я.

– А вы русский?– спросила она, не в силах оторвать от меня взгляд.

Я понял, что в этот момент не она одна смотрит на меня, и хотя в кафе по-прежнему стояла тишина, я чувствовал, что карты отброшены и главная игра происходит сейчас между нами.

– Конечно, русский.

– Из России?

– Из Москвы.

Эта короткая фраза решила дело: в глазах хозяйки отобразилась подлинная признательность, как будто, если бы я сказал, что приехал из Пскова или из Орла, я не удовлетворил бы ее ожиданий. Компания за моей спиной тоже зашевелилась с чувством несравненного облегчения, карты были заново перетасованы и вброшены в игру, хозяйка принесла с кухни недостающие блюда моего меню, но уходить не собиралась.

Она отодвинула дальний стул, стоявший в торце стола, поставила на него колени и поинтересовалась:

– Вкусно?

– Да, очень вкусно!– я был голоден как волк, шашлык был из хорошей баранины, и в моих словах не было ни капли притворства.

Не меняя интонации, она вдруг сообщила:

– А я– беженка из Карабаха. Все здесь– беженцы... Я собрала немного денег, чтобы открыть это кафе. Оно называется «Айгюн»– в честь моей дочери...

Мне показалось, что сидящие сзади слушают ее.

Так вот чем объяснялся странный, «немодный» стиль одежды этих немолодых мужчин! Они– беженцы. Скорее всего, даже не из городов, а из сел, обычные крестьяне, ставшие здесь, в Баку, дорожными рабочими или копателями канав... В этом пугающе-роскошном городе они обрели маленькое пристанище, вполне соответствующее их представлениям о сердечности и о комфорте... Немного пива, немного дешевой еды, разговоры с хозяйкой– что еще надо вчерашнему крестьянину, чтобы провести вечер?

Когда-то они работали на земле, любили свои дома, свои яблоневые сады, орехи, плоды труда своего, плоды вещественные, круглые, ароматные. Они любили то, что любят все крестьяне и что так трудно объяснить горожанину: запах навоза, слегка заправшей соломы, овчин, солярки и конского пота... Они не хотели никуда уезжать, не хотели обогащаться, война прогнала их из их рая. Карабах– значит по-азербайджански «Черный сад». Во время своих походов в Персию и Грузию именно в Карабахе любил проводить время в царских охотах Тимур Тамерлан. Черный сад. Утраченная родина... Что мы знаем об этом? Что мы знаем об этих людях, коротающих вечера в плохонькой забегаловке, носящей нежное имя маленькой девочки Айгюн? Сюда ведь ни один бакинец не зайдет, тут сплошь черный народ, деревенщина, никто в городе их не любит, доброго слова о них не скажет. Да и я-то забрел сюда случайно...

– Сколько я должен?– спросил я, торопясь свернуть эту неожиданно-бурно окрашенную эмоциями трапезу.

– Четыре маната.

В три раза дешевле самого дешевого захода в турецкий fast food.

– Спасибо, – сказал я, отсчитывая пять.

– А завтра вы придете?– с чувством спросила хозяйка.

– Обязательно, – сказал я. – Только оставьте для меня кебаб.

– До свидания...

На улице был туман. Сырой холод сразу вцепился в горло и стал драть его, как проглоченная газета. Я добрал до Yacht Club'a Первое, что я увидел в холле на журнальном столике, был туристический справочник: «Гобустан». Я забрал его в номер и перелистал: «Государственный историко-художественный заповедник...», включен в список международного наследия ЮНЕСКО...

...На территории Гобустана находят раковины-каури, которые водятся в Красном море, за две тысячи километров отсюда...

Любой специалист по древнему миру скажет вам, что мир этот был связан не менее отчетливыми связями, чем мир современный. Просто мы не понимаем мотивов, которые двигали древними миграциями и торговлей. Ракушки служили эквивалентом денег. А Гобустан? Это был какой-то мощный сакральный центр? Центр паломничества? Откуда мы знаем, что нет?

Перед сном вышел на балкон. Туман такой, что не то что города– моря под балконом не видно. Холодно. Если я заболею– это будет просто малодушие...

VII. ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

Не заболел. В десять мы с Азером уже пробивались в пробке из города на юг. Два-три поворота, трасса теплопровода над дорогой, откуда-то вклинившиеся в автомобильный поток тяжелые грузовики— и вот уже всякие понятия о городе утратили смысл: кварталы центра, который остался у нас позади, да и вообще любые дома выше пяти этажей— все исчезло и сменилось хаосом маленьких частных домиков, рассыпавшихся вокруг, насколько хватало глаз. Разобраться в планировке этого немыслимого и невероятного по размерам пригорода можно было бы только с помощью космической фотосъемки. Участки лепились друг к другу, производя впечатление бесконечно делящихся клеток, которым неведома любая более сложная форма организации и движения, нежели скрупулезное заполнение горизонтали.

— Что это, Азер?— спросил я.

— А это современный Баку, — ответил он не без сарказма. — Когда люди спустились с гор, они построили себе свой город— вот этот. Раньше Баку был нормальной столицей с населением в два миллиона человек. А теперь здесь живет, наверно, полстраны ²⁹. Никто этого точно не знает и не может знать. Это— дурдом...

— Знаешь, я видел вчера эти дома на набережной. Почему в них никто не живет?

— Откуда я знаю? Роскошные дома— но, наверно, квартиры в них слишком дороги...

— Не хватает богатых людей?

— Богатые люди есть, наш президент, в отличие от вашего, запретил вывозить капитал за границу. Сказал— делайте что хотите— но здесь. Но психология людей изменилась. Они не хотят жить в квартирах. Предпочитают индивидуальные дома. Есть целый квартал, я тебе как-нибудь покажу, называется Санта-Барбара...

Мы миновали последнюю пригородную развязку. Дорожная полиция, окатив нас свирепыми взглядами, тем не менее пропустила машину, продолжая «разбираться» с теми, кого остановила раньше.

— Или вот эти, — вдруг без всякого перехода сказал Азер. — Нас они пропустили, потому что знают машину. Но любого, кто едет за нами, они остановят и сдерут с него 20 манатов— нарушил он правила или нет. Так здесь все устроено! А попадешься ты им или нет— это рулетка... Главное у нас— быть начальником...

Под пологом серых туч блеснуло море.

Дорога шла теперь все время вдоль моря на юг.

Бесприютный морской берег весь был разворочен гусеницами бульдозеров: здесь недавно закончилась стройка. Несколько высоких домов, с темно-серыми, будто из пресованного шлака, стенами были выстроены в центре огромного жирного пятна, проступающего на поверхности земли. Понятно: застройщик купил дешевый участок на нефтяном болоте. Но кто же станет здесь жить? Запах нефти чувствовался даже из машины... Рядом на склоне холма неумоимо кивали своими верблюжьими головами старенькие нефтяные «качалки», а вдали, на металлических платформах в море, высилось несколько буровых установок посовременнее.

Андрей Платонов назвал Каспий «степным морем». Как-то в Казахстане на нетронutom человеком берегу мне удалось поймать этот образ, уместив в объектив фотоаппарата желтую дюну, несколько пучков выжженной до серебристого цвета травы, жесткий ком перекати-поля, белую кромку пляжа— весь жар, всю сухость пропеченной солнцем земли, удиви-

²⁹ Население современного Азербайджана— около 10 миллионов человек. В России по компетентным источникам проживает не менее 3 миллионов азербайджанцев, из них 1 миллион— в Москве.

тельным образом контрастирующую с зеленоватой чашей моря и прохладой голубого неба... Вот будто и вправду брел по степи и вдруг за очередным увалом мне открылось не море суши, над которым парят лишь терпеливые орлы— а заключенное в чашу песка сверкающее, драгоценное, переливчато играющее искрами чудо воды...

Но здесь... Мы ехали по совершенно убитому берегу. Было ощущение, что людям тут никогда не приходило в голову, что морской берег может быть использован для неги, купания или отдыха... Свалки, кладбища, выгоревшие заросли камыша и опять— свалки кирпича, автомобильных покрышек, демонтированных металлических конструкций...

Я пораженно молчал.

Вдоль шоссе промелькнуло несколько неухоженных, непрочно еще вросших в землю, без единого деревца поселков, в которых без труда угадывались новостройки беженцев, бензозаправка, автомастерские «tokar-slesar», громадный, похожий на самолетный ангар, крытый рынок в пустой степи, ржавые рельсы, опять группа буровых в море и, наконец, Сангычалыкский нефтяной терминал: целый город громадных труб, сверкающих свежей жестью, обнесенный заборами, сторожевыми вышками и колючей проволокой. Отсюда начинается нефтепровод до берега Черного моря, до Батуми, где принимают нефть неутомимые танкеры. Отсюда путь нефти до продажи совсем короток. На этой трубе держится все благополучие республики: перелицованный фасад Баку, бутики дорогой одежды, роскошные пустые дома, пособия беженцев, обилие товаров в магазинах, потоки дорогих автомобилей на улицах, курс местной валюты, вес Азербайджана на международной арене...

Потом мы свернули с шоссе на боковую дорогу и минут через двадцать оказались... как бы это получше объяснить? Дорога заканчивалась парковочной площадкой. А сразу вслед за этой площадкой начиналась... девственная Земля. Как только ты сходил с асфальта, начиналась девственная Земля, полная запахов, ветра, журчащей весенней воды, низкого рваного неба, которое волокно свои тучи по спинам бесконечно встающих до самого горизонта горбатых холмов... Как будто всего того, о чем я только что рассказывал, вообще не было. Мы вышли, закрыли машину и сделали шаг за.

Слева от нас высился острый, похожий на длинный узкий зазубренный каменный нож, останец горы Джингирдаг. Зеленовато-серая глина, которая слагала его, включала в себя косо врезанные слои известняка, которые, неравномерно разрушаясь, образовывали навалы глыб у подножия. Прямо перед нами был покрытый крупными камнями холм, поросший по расселинам жестким кустарником с длинными острыми шипами. Его голые ветки казались железными. Перепрыгивая с камня на камень, я добрался до вершины холма и обозрел всю окрестность: за холмом, вихрясь водоворотами и волоча стебли сухой травы, несясь сильный мутный поток. За рекой открывалась долина, на которой было еще два или три холма, заваленных камнями. Задник этой картины составляла наполовину разрушенная водой стена из желтого глинистого сланца, испещренная какими-то шрамами и потеками... Память про-сигналила, что где-то я уже видел все это: сыпучие склоны, зеленоватые глины, глины желтые, розовые... Ну, разумеется! В пятистах километрах отсюда, на другом берегу Каспия, в Казахстане, на Мангышлаке, у горы Шеркала: та же палитра шелудивых глин, те же испещренные медлительной работой воды толщи осадочных пород...

Я перепрыгнул с камня на камень и тут увидел изображения. Это была та самая группа горных козлов#архаров, снятых когда-то фотографами, с которых и началась вся эта история. Никогда бы не сказал, что они сделали свой снимок в ста метрах от автомобильной площадки— настолько он выглядел загадочным, далеким от всего привычного... Я поглядел по сторонам: вот еще архары, свастика, женский символ— треугольник, обращенный вершиной вниз— целый иконостас символов. Бык, вернее, тур— с огромными, изогнутыми рогами. Чуть дальше— нападающий лев или леопард... Холм был невелик и поначалу казалось, что изображений на нем немного, но они отыскивались почти на каждом камне. Веч-

ностью повеяло на меня. Это было потрясающе... Контуры, выбитые древним художником или магом, были абсолютно совершенны... Красная охра, втертая в камень двадцать пять тысяч лет назад, еще не выцвела...

Дальше, как всегда бывает в таких случаях, меня понесло, я достал фотоаппарат и просто ушел в камни. Сколько времени я пробыл в этом состоянии, не знаю. В самом конце, обходя вершину холма, я обнаружил и гвал-даш, «камень-бубен»: довольно большой, больше метра длиной, камень, установленный на трех маленьких, с детский кулачок, камешках-подпорках. Если постучать по нему другим камнем, он издает странный звук, похожий на слабый звон колокола. Звон литой бронзы.

Внезапная догадка: здесь, значит, сидел жрец, который и управлял всей церемонией...

А другие, принимавшие участие в ритуале, располагались вокруг, возле камней... Как место для архаических таинств холм выглядел убедительн.

Отношения людей с камнями непросты. Существует ряд обычаев у разных народов, охраняющих сакральность, «святость» камня. У одних женщины не имеют право подходить к священным камням. У других камни-останцы или отдельные скальные выходы почитаются как дети матери-Земли, которые еще связаны с ее телом и заинтересованы в получении пищи— крови и мяса жертвенных животных. Камни и скалы причудливой формы от начала времен были своеобразными культовыми центрами.

Азер, видя мое потрясение, не скрывая удовольствия, прохаживался меж камней, разглядывая петроглифы. Но он не знал, что пожар в моей груди запылал не на шутку.

— Слушай, — сказал я, когда мы наконец облазали весь бугор. — А теперь давай на тот берег.

— Зачем?

— Как «зачем»? Мы что, ехали сюда только для того, чтобы покрутиться в ста метрах от стоянки?

Азер промолчал и с грустью посмотрел на свои тонкие ботинки.

Судя по «причесанной», вытянутой в одном направлении сухой траве, долина еще неделю назад была целиком залита паводком, да и сейчас на той стороне было мокро.

— Азик, пойдешь ве́рхом, по дороге, ничего с тобой не будет...

— Ладно, — сказал он. — Разберемся. Только прыгай ты первый.

Речка, которую предстояло перепрыгнуть, летом пересыхает так, что в ее русле не остается ни капли воды. В это трудно было поверить, потому что сейчас вода перла с такой силой, что то и дело вскипала пеной. Из глубины долины, из-под желтой стены, из изумительной, волшебной тишины, в которой уши человека, как уши зверя, слышат каждый дальний звук, долетали тихие всплески— так бывает, когда вода подмывает берег. Где-то сбоку, как водяная свистулька, пробулькинула и перелетела с места на место какая-то птичка. Ей отозвалась другая... Я выбрал островок посреди потока, прыгнул на него и вторым прыжком перескочил на тот берег. Не знаю, как прыгал Азер, но когда я выбрался, он уже стоял рядом.

— Хорошо ты прыгнул, там как раз норы этих змей... Забыл, как по-русски они называются... Наверно, не проснулись еще...

Я видел норы, но принял их за мышиные.

Ну, а дальше мы пошли... Постепенно Джингирдаг своим зубцом скрыл от нас автомобиль, и мы очутились в диком просторе... Никогда ни один город не способен принести мне столько радости, сколько приносит это ощущение отъединенности от цивилизации и долгожданной встречи с Землей, с ее стихиями... А тут были еще петроглифы: мы отыскивали несколько изображений человечков, похожих на астронавтов в шлемах, оленя с раскидистыми рогами, рогатых людей, солярные символы. Один камень целиком был отдан древним Венерам. Но если бы меня тогда спросили, что в самом деле больше всего волнует и притя-

гивает меня, я бы ответил: всплески под желтой стеной. Я должен туда дойти и увидеть, как это совершается. Просто сидеть и просто смотреть.

Всего на несколько дней в году— ну, например, на двадцать из трехсот шестидесяти пяти— вода приходит сюда, чтобы усовершенствовать свое творение. Она создала эту страну: страну балок и холмов, протачивая глубокие долины, огранивая зеленоватый зубец Джингирдага и делая дальние холмы похожими на спины утопающих в синем тумане китов. Миллионы лет, с тех пор как дно древнего моря Тетис поднялось и стало берегом моря Каспийского, вода, которая приходит на двадцать дней в году, как великий художник, пробует снова и снова. Творение продолжается. Вот на это я хотел посмотреть.

Когда я добрался до желтой стены, кроссовки были насквозь мокрые.

Берег тут был очень низок и до сих пор подтоплен, зато противоположный вставал стеной— собственно, в эту желтую глиняную стену река и била со всей своей мощью, желая смести ее и разрушить, но добиваясь каждую весну только того, что в реку оседало несколько подмытых пластов, а стена все больше напоминала гигантский полукруглый амфитеатр. Каждый раз, когда кусок глины оседал в воду, раздавался негромкий всплеск. Некоторое время я молча стоял у реки. Сфотографировать то, что я видел, было невозможно, рассказать об этом каким-то иным, более занятым, чем тут изложено, образом у меня не получается. И все же я испытал необыкновенное чувство, будто присутствовал при сотворении мира.

Хлюпая кроссовками, я выбрался к Азеру и выжал свои носки.

— Ну что, обратно?— с надеждой спросил он.

Но я еще не исчерпал вдохновения, которое вдохнул в меня этот простор.

— Знаешь, — сказал я, — дойдем до конца долины. Там есть еще бугор, посмотрим и его.

— Ну ладно, — сказал Азер. — Только потом возвращаемся. У меня там кофе есть, бутерброды...

Потом мы еще раз перепрыгнули ту же реку, чтобы не следовать ее извилистому течению. Справа стал виден вулкан Турагай, слева— Кягниздаг. До подошвы того и другого оставалось еще километра три.

Простор с каждым новым шагом всасывал меня, я ничего не мог с собой поделать, хотя вокруг не было ничего такого, ничего подчеркнуто красивого. Просто земля без малейшего следа человеческого присутствия: ни окурка, ни банки из-под кока-колы, ни горелой спички, наконец... Как давно и безвозвратно я был лишен этого в Москве! Я стосковался, я опивался пространством и пьянел до тех пор, пока боль в горле, наконец, не вернула меня к действительности. Я остановился. На том берегу открылась еще одна долина. По ней бродили маленькие коровы и, находя молодые побеги растущей пучками травы, щипали ее черными, сильными, как руки, губами. Под ногами по-прежнему хлюпала вода.

Дальше идти не имело смысла.

Дождь мелко просеивался сквозь небесное сито.

Больше о первой попытке глубокого проникновения в Гобустан сказать нечего. Разумеется, мы вернулись к машине, выпили горячий кофе, закусили бутербродами, радуясь теперь, что у нас есть такие блага цивилизации, как термос, колбаса и автомобильная печка.

Странное все-таки существо— человек.

— Знаешь, — сказал Азер не то удивленно, не то с уважением, — так много я не ходил уже, наверно, год.

— Ты— водитель, я— пешеход, — отшутился я.

На обратной дороге возле домов, выстроенных на нефтяном болоте, я все-таки не удержался и спросил:

— Скажи, а кто согласится жить в этих домах? Тут так несет нефтью...

— Да уж, я бы ни за что не согласился.

— А может, стоило отдать эти дома беженцам? Они бы согласились?

– Они бы, может, и согласились, но что значит– отдать? Это частная собственность...
Как быстро вернулись мы в безумный мир!

Баку встретил нас скрежетом и клаксонами вечерней пробки.

Когда под вечер я заглянул в кафе «Айгюн», компания в немодных черных куртках сдавала карты.

– Салам алейкум, – поприветствовал я собравшихся.

– Алейкум ассалам, – ответили они дружно.

– Здравствуйте, – отдельно улыбнулась мне хозяйка.

– Люля-кебаб для меня оставили?

– Конечно, оставили. Садитесь на ваше место.

Карты пошли в игру. Мужчины задымили дешевыми сигаретами и, не чокаясь, выпили пива.

VIII. ДРУГ

Матовая серость за окном. Отдергиваю занавески, различаю тонкую штриховку мороси, сквозь которую едва проступают стрелы портовых кранов вдали, и чувствую почти неудержимое желание снова нырнуть под одеяло. И тем не менее отступать некуда: план, который окончательно вызрел вчера, а зародился еще в редакции Эмиля, план, рожденный утонченной геологической эстетикой, мог быть исполнен только сегодня, какая бы погода ни была. На Гобустане я разойдусь, а там уж...

В десять, исполнив свой утренний развоз, появился Азер. Я поспешно уложил в рюкзак фотоаппарат, карту, немного еды и бутылку с водой. Макеты английских фрегатов в холле гостиницы приветствовали наш выход в неизвестность, подняв все флаги и паруса.

Мы ехали той же дорогой, что и вчера, но из-за дождя бесприютная долина у моря и крашенные железнодорожным суриком старые товарные вагоны, брошенные на путях, казались фрагментами какого-то пронзительно-грустного фильма. Безысходно-грустного, как «Красная пустыня» Антониони. Может быть, даже это были кадры, не включенные в фильм, вырезанные при монтаже, случайно уцелевшие в виде такой вот покадровой нарезки: желтые пучки прошлогодней травы, стрелки ржавых рельсов, мокрые вагоны с шифрами железнодорожных маркировок на бортах...

Погода и в самом деле была отменно плоха: вся долина, которую мы исходили вчера, была закрыта тенью зацепившейся за Джингирдаг тучи. Тяжелое небо волочилось прямо по земле. Лишь впереди на юге видна была яркая голубая полоса.

Вскоре мы доехали до поворота на Беюк-даш, по асфальту быстро взлетели на средний ярус горы, к домику заповедника. Дождь перестал. Было очень красиво. Тихо. Меж беспорядочно рассыпанных, черных, обросших лишайником камней то здесь, то там виднелись покрытые мелкими цветами колючие ветки какого-то кустарника. Пересвистывались птицы. Наконец-то пахнуло весной: пробудившейся землей, травкой, пригретой блуждающим по земле солнечным лучом, и этими цветами. Не скажу, чтобы это был изысканный или сильный аромат – просто ни с чем не сравнимый свежий запах раскрывшегося цветка... Неожиданно я ощутил какой-то невероятный покой. За ним последовало ощущение, что кто-то смотрит мне в спину. Изображения были здесь. Прямо на въезде, на высокой скале было выбито десять однотипных человеческих фигур с расставленными руками и подсогнутыми коленями. Кто эти люди? Танцоры, как упорно утверждают туристические путеводители? Тогда объясните, что они делают здесь, на самом виду? Ведь они оказались здесь, на виду, не случайно, не так ли? Художник – или художники – изобразившие их, стремились, чтобы всякий, восходящий на гору, в первую очередь столкнулся взглядом именно с ними. Тогда, быть может, перед нами – мифические первопредки тех, кто оставил свою небывалую летопись на этих камнях? Или это коллективная трансовая пляска, в которой все участники, войдя в измененное состояние сознания, соединялись со священной реальностью? Загадка...

В конторе заповедника не оказалось ни одной книги, посвященной петроглифам Гобустана. Сувениры выглядели жалкими. Не было пока и проводника. В ожидании мы решили сходить к римскому камню, «подписанному» легионерами императора Домициана: он лежал внизу, у подножия горы, словно римляне не решились внести свое слово в древнее сакральное пространство наверху. Камень мы отыскивали быстро по крепкой железной клетке, в которую тот был заключен. Дело было вот в чем: администрация заповедника заключила договор с одним итальянским реставратором, который взялся поработать над этим камнем по новаторской методике. Он методически, сантиметр за сантиметром, очистил поверхность камня от вросшего в него лишайника и получил почти идеального белого цвета глыбу известняка, на которой хорошо читались буквы:

IMPDOMITIANO
CAESARE AVG
GERMANIC
LIVUS
MAXIMUS/
LEC XII FUL [MINATO].

Это означало, что сию надпись оставил Ливус Максимус, командир центурии XII «молниеносного» легиона императора Домициана, прозванного Германиком. Прозвище «Германик» Домициан получил после победы над хаттами в Германии в 84 году нашей эры. Через двенадцать лет он был убит в результате заговора сената. Германик был явно недооценен современниками. Как император он сделал для Рима не так уж и мало. Вопрос: а нужны ли еще были Риму мало-мальски одаренные цезари? До катастрофического распада империи оставалось еще четыреста лет, но страшные предзнаменования конца и разложения явились раньше, уже при Калигуле и Нероне ³⁰.

Двенадцатый молниеносный легион стоял в Каппадокии, на территории нынешней Турции и Сирии, а когорта Ливуса Максимуса выполняла, видимо, разведывательные функции, исследуя опасности, которые могли обрушиться на империю в лице каких-нибудь новых варваров, а также возможности дальнейшего— к тому времени уже чрезмерного и опасного— расширения ее на восток.

Вот отрезок времени и ракурс, под которым стоило рассматривать достопочтенный камень. Но черт возьми! Камень, который итальянский мастер-реставратор обработал особым закрепляющим раствором, был как новый, надпись была как новая, отчего ощущение времени и тайны совершенно исчезало. Перед нами был освеженный камень в железной клетке— и все.

Разочарованно покачивая головами, мы вернулись в заповедник. Проводник уже ждал нас. Вслед за ним мы тронулись по дощатому настилу в глубь времени. Мужик он был простоватый и по-русски изъяснялся неважно, но маршрут знал хорошо. Так мы и пошли— от одной группы изображений к другой.

Петроглифы Гобустана обнаружили в 1939 году, когда на горе Беюк-даш стали добывать камень для строительства Баку. Рисунки показали ученым. Первым— уже после войны— ими занялся старейший археолог республики Исхак Джафарзаде, который, приступив к изучению наскальных изображений, буквально погрузился в сказку... Изданная им в 1973 году монография насчитывает описания 3500 рисунков, а сегодня их обнаружено более 6000! И теперь ученых больше всего волнует вопрос: о чем рассказывают эти петроглифы? Потому что только во времена вульгарного материализма советской поры можно было трактовать наскальные изображения Гобустана как «реалистичные» изображения бытовых сцен, охоты, рыболовства, а также, в огромном количестве, разных животных. Дело не в реализме. Мы имеем дело не просто с собранием прекрасных рисунков. Большая часть их объединена мифом— своеобразным «вещим сном» древнего человека о себе самом, об окружающем его мире, о вселенной, о жизни и смерти... Волшебный миф был самой ранней формой человеческого мышления, что объяснялось, в частности, физиологически— доминированием у древних людей «правополушарного» (художественного, образного) мышления в отличие от нашего левополушарного (рационального, логического). Поэтому плато Джингирдага, конечно, целиком принадлежало сакральной географии.

На жилых стоянках вокруг горы обнаружено огромное количество костей джейрана и других животных, которые служили главными источниками пищи. Но *не они* запечатлены в древних рисунках. Доминируют изображения быков, коз, маралов, змей и черепах, то есть,

³⁰ Калигула (римский император с 37 по 41 г. н. э.), Нерон (римский император с 54 до 68 г. н. э.).

тотемных предков, от которых люди вели свой род, которым поклонялись. Некоторые животные (волк, лев) могли заслуживать особого поклонения, как «хозяева зверей», без «разрешения» которых охота не могла быть удачной. Представления о своенравных охотничьих божествах сохраняются в мифологических сюжетах об охотниках, которые, не угадав, кто перед ними, начинают преследовать «хозяина зверей» и погибают. Эти сюжеты разыгрывались на весенних празднествах, где исполнялись также хоровые песни и коллективные пляски... Мы прошли за нашим проводником сквозь толщу времени и сотни изображений к «солнечным ладьям». В свое время они сокрушили сердце знаменитого путешественника Тура Хейердала своей похожестью на изображения викингов. Правда, в петроглифической традиции «солнечные ладьи» чаще всего обозначают не реальные лодки или корабли с «солнечной символикой» на носу, а ладьи смерти, которые вслед за солнцем следуют в ночь— страну мертвых, увозя в подземный мир невероятное для обычной лодки количество гребцов...

Когда мы вышли из пещеры Ана-Зага («Пещера-мать»), которая была смысловым центром всего комплекса наскальных изображений (пещера— лоно— плодородие— рождение— возрождение), небо поднялось и в высверленных в камне емкостях, наполненных дождевой водой, стояло солнце...

Солнце лопнуло и в моей голове, сердце, казалось, гонит по венам чистый восторг.

Я давно рвался в Гобустан, скачивал из интернета какие-то материалы...

То, что мы увидели, превзошло все мои ожидания. Но кто скажет, *что* мы видели в действительности?

Возможно, изображения Гобустана проще будет интерпретировать, если рассматривать территорию заповедника как развалины исполинского собора. На стенах которого рисунками было запечатлено «священное писание» обитавшего здесь народа— сохранившееся теперь в обломках, фрагментах. Завалы исполинских каменных глыб, которые мы условно называем «пещерами», непригодны для жилья, зато представляют собой идеальную среду для проявления священной реальности в виде рисунков.

Что же явлено в священной реальности мифа?

Разумеется, самое главное. Космогония (устройство вселенной), место в ней солнца, луны, звезд, земли и человека на этой земле. Рисунки должны запечатлеть великий коловорот жизни— тему рождения и смерти, плодородия, связанных с ним образов мужского и женского, земли (матери) и неба (отца)... Но главными фигурами древнего пантеона были все же предки. Культ предков, утверждая в сознании племени идею непрерывности кровно-родственных связей, гарантировал преемственность традиций и стабильность первобытного сообщества. Цепочка, которую составляли предшественники— отцы, деды, прадеды— тянулась в глубь веков, связывая живых с мифическими первопредками, возведенными в ранг божеств— сверхъестественных учредителей обрядов и запретов, выполняемых членами группы.

Мифы о странствиях и приключениях тотемических предков составляют как бы либретто священных драматических церемоний, в которых воспроизводятся эти мифы, — писал Мирча Элиаде в своем исследовании архаических верований. Так что реалистичность зооморфных изображений не должна вводить нас в заблуждение. Это не просто животные. Вот, например, на камне изображен олень. Олени нередко встречаются на скалах. Но не как вожаемый охотничий трофей и даже не как тотемный знак. В древней индоевропейской традиции олени, особенно с раскидистыми, ветвистыми рогами, символизировали космос, вселенную. Бык, как и олень, может быть связан с космосом, но он прежде всего воплощает мощное мужское начало. Некоторые петроглифы древних тюрков в Сибири изображают «священный брак» между женщиной и быком— носителем мужской силы. Не случайно, думаю, четко прорисованный силуэт быка присутствует на камне, где изображены «восемь красавиц» Гобустана— восемь великолепно стилизованных женских фигур с крутыми бедрами

и тонкими талиями. Но кто они? Богатые украшения говорят об их царственном или даже божественном происхождении, литая статья— о воплощении женской силы, а луки за спиной заставляют вспомнить об амазонках. Кстати, фигуры «красавиц» словно нарочно убраны подальше от глаз непосвященных; они спрятаны в объемистой полости под завалом камней. Что здесь происходило? Кому здесь поклонялись? Кто? Мужчины? Женщины? Те и другие вместе? Что они делали? Приносили жертвы? Простирались ниц? Совокуплялись?

Увы— несмотря на горы литературы по толкованию мифов и великолепных мастеров этого жанра, главное в древних мифах остается загадочным... В благоприятном случае в своем подходе к мифу нам удастся лишь правильно задать вопрос. Кто вот, к примеру, те мужчины, изображенные на камне под номером двадцать девять? О том, что это охотники и воины, говорят их мускулистые ноги и широкие плечи, луки в руках. Но, во#первых, на этой плоскости не два изображения, а четырнадцать, стоит приглядеться. Почему у одного из мужчин рога на голове? И почему другой, тоже рогатый, держится за свой член? И, во#вторых, что это за зигзагообразные линии, которые, зародившись над головою одного из охотников, пронизывают его тело? Если это дождь, то означает ли это, что древний художник просто-напросто изобразил собратьев по племени, возвращающихся после неудачной (без дичи) охоты в плохую погоду? Или принципиально иное: человек, бредущий в потоке дождя— не кто иной, как заклинатель погоды, только что вызвавший дождь со своим верным помощником? Или зигзаги— символ измененного состояния сознания или, например, транса, в котором пребывают эти двое?

Нам нелегко понимать своих предков. Поэтому, увидев, скажем, изображение кабана, преследуемого собаками, мы можем, конечно, порадоваться «реалистичности» этого изображения, но может оказаться и так, что в этом рисунке, в этом «кадре» мифа (ни начала, ни конца которого мы не знаем) схвачен некий кульминационный момент, когда вождь или царь, превращенный за нарушение табу в вепря, тщетно пытается уйти от расплаты, преследуемый демонами мести и правосудия. Вот ведь как может обернуться дело. И вопросам не будет конца. Скажем: верно ли, что пробитое в камне отверстие предназначено для привязывания скота? Не много ли скотине чести? Или это каменное кольцо выдалбливалось специально для жертвенного животного? А может быть, эта дырка— инструмент космической оптики (что нередко встречалось у древних)? Или просто священная дыра— Пустота, мать всего сущего? Но это уже философия в камне— а уровень обобщений такого рода, похоже, и не подозревался теми толкователями изображений (а их большинство), которые предлагают видеть в петроглифах Гобустана некую принципиальную *naivety*...

Мы вернулись с маршрутной тропы заповедника и расположились на лавочках для отдыха неподалеку от домика дирекции. Азер достал из кабины сверток с провизией. Термос с кофе, бутерброды и особенно домашние пирожки с различной и по-домашнему вкусной начинкой— в своем изобилии, несомненно, ставили метафорическую точку в конце нашего маршрута.

Съев один бутерброд, я забросил в рот горсть орехов с курагой, запил глотком воды из бутылки и демонстративно сунул ее в наружный карман рюкзака, показывая, что для меня трапеза закончена.

— Почему закусываешь так легко?— удивленно спросил Азер. — Есть пирожки, колбаса...

— Спасибо, — уклончиво отвечал я. — Но ходить лучше налегке...

Луч солнца, проглянувший с поднявшегося неба, окончательно утвердил меня в решимости довести свой безумный план до конца.

— Ходить?

— Ну да, — как можно непринужденнее отозвался я. — Видишь ту дорогу внизу? Доедем по ней до края плато, там еще посмотрим...

– А она проезжая?

– Должна быть проезжая. Она ведет наверх, в каменоломни. Раньше там добывали камень. Половина Баку была построена из него...

В это время верхний ярус горы, о котором вел я речь, внезапно стало затягивать туманом. Вот он только еще закурился над темнеющим гребнем, а вот уж стек вниз дымящимися клубами, скрадывая не только гребень, но и нагромождения каменных глыб под ним, и куст осыпанного розоватыми цветами кустарника.

Упало несколько капель дождя.

Я не успел даже испугаться, что дождь испортит мне все дело, порыв ветра сорвал присевшее на вершине облако и, скомкав, унес в сторону моря. Стало почти ясно.

– Ну что, поехали?– скорее поманил, нежели спросил я Азера. Надо было успеть до темноты.

Мы спустились от заповедника асфальтовой дорогой и свернули на грунтовку. Дорога была вполне набитая, лишь в одном месте машине пришлось немного «поплавать» в свежем выносе глины, но вскоре она вновь прихватила колесами землю. Все было в точности так, как рассказал Эмиль: слева было несколько громадных скальных обломков, на которых летом проходили соревнования по скалолазанию, справа... Не помню уже, что было справа, видимо камни, в Гобустане камни везде, они рассыпаны до самого моря и даже там, на отдельно лежащих камнях, есть знаки и рисунки. И тем не менее что было справа, я не помню. Выходит, неизбежное объяснение с Азером тяготило меня. Наконец дорога стала задираться вверх: мы доехали до поворота на серпантин.

– Останови, – сказал я.

– Здесь?

– Да, здесь останови, – твердо сказал я, ничего не объясняя. – И не на дороге, а где-нибудь в стороне...

Азер остановил машину, сдал назад, поставив ее на аккуратный коврик зеленой травы у дороги и огляделся по сторонам, не понимая, что привлекло мое внимание. Я вылез наружу. С площадки, которая, по сути, была крайней северной оконечностью плато Беюк-даш, во всю ширь открывался вид на страну вспученностей. Предмет моего вождения, грязевой вулкан Кягниздаг– вблизи пугающе огромный при всей своей скромной высоте (397 м) – закрывал весь вид на север. На запад его отроги тянулись до идеального купола другого грязевого вулкана– Турагай– который на этот раз явлен был нам в желтоватом предвечернем свете. Время поджимало.

Я внимательно оглядел склоны вулкана, чтобы понять, как мне подниматься. Вблизи они оказались изрезанными глубокими глинистыми балками, угодив в лабиринт которых, я неизбежно потеряю и время, и силы, если вообще смогу подняться по скользкой глине. Но вот, впрочем... Почти идеальная, чуть взывшаяся зеленой травкой «спина», которая вела почти от самого подножия вулкана до самой почти вершины. Я два раза говорю «почти», потому что начало этого склона я не мог увидеть раньше, чем спущусь вниз. А наверху... Наверху вулкана все непонятным образом менялось... Издалека я не мог рассмотреть, в чем там именно дело, но похоже было, что мне придется действовать по обстановке. Но ничего. Как сказал Эмиль: час– туда, час– обратно...

– Знаешь, Азер, – сказал я, чувствуя, что самое главное теперь– все быстро выложить ему и пускаться в путь, пока он не принялся меня отговаривать. – Сейчас я уйду. На два часа. Я должен сходить на этот вулкан, – я сделал жест в сторону Кягниздага. – Это грязевой вулкан. Неопасный. Еще вчера я решил подняться на него. Но мы были слишком далеко. Сейчас это займет не так уж много времени. Не отговаривай меня. Можешь попить кофе. Можешь лечь поспать. Через два часа я вернусь...

Какое-то мгновение в глазах Азера стояло непонимание, граничащее с ужасом. Но уже в следующее мгновение, к моему большому удивлению, он произнес:

– Я пойду с тобой...

– Ты понимаешь, это моя идея, – повторил я. – Ты можешь спокойно оставаться тут.

– Нет, – сказал он с необъяснимой решимостью. – Дай только я переставлю машину.

Я хочу, чтобы вы поняли: Азер был шофером. Обычным водилой. Он не был ни моим другом, ни любителем лазать по горам. Он не обязан был вместе со мной искать приключения на свою голову. Но он сказал: «я пойду с тобой». И я сразу почувствовал, что мне стало легче.

Когда он переставил машину, мы начали спускаться меж камней и цветущего кустарника.

– Послушай, – сказал Азер, который не воспринял наше вчерашнее приключение как предупреждение и вновь оказался в любимых легких ботиночках, малоподходящих для горных приключений. – Но если мы упрямся во что-нибудь такое... Если там, внизу, обрыв – мы не пойдем?

– Давай не принимать необратимых решений, – милостиво согласился я, окрыленный тем, что, как бы то ни было, нас двое. – В случае чего мы просто вернемся назад.

– Вот и хорошо, – сказал Азер и замолчал.

Я прыгал с камня на камень, пытаюсь найти тропинку, которая на обратном пути привела бы нас назад к машине. Тропинки не было, но временами мне удавалось обнаружить проходы среди завалов камней, а заодно и запомнить некоторые камни, как ориентиры.

– Отара, – вдруг без выражения сказал Азер. – Видишь?

Я посмотрел на гору. Нет, я не видел. Чуть подернутые зеленой травкой склоны. Бурые разрезы балок. Пожалуй, чтобы попасть на выбранную мною «спину», придется сначала войти в ближайшую балку, а потом уже – если Бог даст – выкарабкиваться из нее на склон.

– А где эта отара? – спросил я. – Так далеко я не вижу. Мы будем подниматься вот здесь, по этому склону. А она?

– Идет прямо навстречу нам, как раз по этому склону. Овцы – как белые точки. Видишь?

– Нет, – сказал я. – Я близорукий. Просто очки не ношу.

В это время порыв ветра донес до меня собачий лай.

– Собака, – констатировал Азер. Потом, послушав, добавил: «Две».

Я похолодел.

Сторожевые псы.

Страшные косматые кавказцы, которым пастухи даже мяса не дают, кормят мучным взваром – называется по-азербайджански «ял» – чтоб не привыкли к крови и не порезали ненароком половину стада и самого хозяина.

Если бы Азер не продолжал спускаться, я бы остановился. А может быть, повернул бы назад. Скрывать нечего: есть породы собак, которых я действительно боюсь. Это туркменские безухие овчарки и кавказцы – полудикие сторожа стад.

В это время мое ухо различило человеческий голос.

– Там люди! – попытался утешить себя я.

– Один человек. Кричит собакам. Видишь собаку?

– Нет.

– Во#он. Белая. Она уже нас заметила.

Не скажу, что все это ободрило меня, но Азер не выказывал ни малейших признаков страха, и я, загипнотизированный его героизмом, следовал за ним.

Мы давно уже спустились с плато Беюк-Даш и теперь действительно, чтобы вылезти на склон, ведущий к вершине вулкана, по которому на нас надвигалась отара, вынуждены

были войти в глубокую балку с голыми склонами из серой и бурой глины. На ходу Азер подобрал с земли острый камень, взвесил в руке, подобрал другой.

– Ты тоже возьми.

Я послушно поднял камень, похожий на первобытное рубило.

Липкое дно балки. Липкие от пота руки, сжимающие камень.

– Если она бросится, – сказал Азер, – закрой рукой горло и подставь ей локоть. И когда она укусит – не вырывай! Иначе порвешь себе вены, я тебя даже до машины не дотащу. Просто бей ей камнем в ухо. Или в нос. Пока она не отвалится. После этого она уже к тебе не подойдет...

– Знаешь, – попросил я, – если что – станем спина к спине. Я боюсь собак. А ты?

– А я почему-то не верю, что мне суждено умереть из-за какой-то собаки, – беспечно сказал Азер. – Что-нибудь другое, но только не это. И собак я не боюсь.

Почему-то эти слова в последний миг поддерживали меня.

Почему я написал «в последний миг»? Да потому, что мы прошли по балке до конца и теперь нам надлежало вскарабкаться туда, где нас поджидали псы.

Как мы карабкались, я не помню. Помню, что когда мы очутились на склоне, у нас было время, чтобы несколько раз притопнуть ногами и обить с обуви килограммы налипшей на ноги глины. Ну, может, две секунды. А потом появился пес.

На наше счастье, это оказался не дикий кавказец, заросший вонючей шерстью, которую даже волки не могут прокусить – давятся. Пес был меньше и гораздо красивее – густая, но не слишком длинная белая шерсть в рыжих и черных пятнах, упругая грация движений. Он остановился на верху седловинки, посмотрел на нас и без рыка, без лая молча бросился. Мы прижались друг к другу – спина к спине. А дальше началось! Пес кругами носился вокруг нас, осаживая грозным и частым лаем и, скаля пасть, обнажал белые, блестящие, как ножи, зубы. Потом он отошел и остановился метрах в двух. Под блестящей, холеной шкурой бугрились молодо играющие мышцы, шерсть на холке то опадала, то снова вставала дыбом. Потом он зарычал и гавкнул на меня, и хотя я не выпустил из руки камень, жуткая слабость окатила меня. Задние лапы пса стали нервно отшвыривать назад комья земли.

– Черт, сейчас бросится... – с легким оттенком досады произнес Азер. – Я твой страх спиной чувствую...

Проклятие: бросится на меня.

Я уже слышал вдалеке голос человека.

Речь шла о том, чтобы выиграть секунду, долю секунды.

И тогда я представил себе ручку школьного реостата и усилием воли немного двинул ее, уменьшив напряжение тока в сети моих нервов. Не знаю, как это удалось.

И дальше все стало происходить так же быстро, только в другую сторону – откуда-то появился дед на ишачке: он не спеша трусил в нашу сторону, одетый в какое-то подобие зимнего пальто, брючный костюм, короткие резиновые сапоги и шапку-ушанку. Рядом с ним с лаем бежала вторая собака. Здоровая рябая сука с черными отвислыми сосцами.

– Ту не бойтесь, – ободряюще закричал чабан по-русски. – Эту бойтесь... Она – дура!

Не успел он произнести эти слова, как сука обнажила желтые клыки и зарычала, как гиена, всем своим диким и дурным видом давая понять, что она за себя не ручается.

Потом Азер сказал:

– Пожми ему руку. Быстрее, пожми ему руку...

И я затряс красную от холода, жесткую ладонь старика, всем своим видом, всей невероятной мимикой лица моего выражая дружество и симпатию, на которые только способен один человек по отношению к другому.

Увидев рукопожатие хозяина с пришельцами, собаки стали решительно терять к нам интерес и перестали щериться.

– А какой сейчас месяц?– снова по-русски спросил старик, обнажая простодушную золотую улыбку, в которую, видимо, были вбуханы все заработанные им за жизнь деньги.

– Март, – выдавил из себя я.

– Уже март?

– Да, четвертое марта.

Старик (впрочем, подозреваю, он был не слишком-то старше меня, просто жизнь на горах вместе с овцами раньше состарила его) покивал головой.

– А водичка у вас нет?

Я вспомнил про свой рюкзак.

– Есть, есть, конечно, есть водичка...

Собаки легли, положив головы на лапы.

Чабан сделал аккуратный, бережный плоток и вернул бутылку мне.

Потом я поснимал его так и этак и в довершение показал ему снимок, который показался мне удачнее других.

– Ай, маладец!– вскрикнул старик и, не слезая с ишачка, обнял меня.

Собаки завиляли хвостами.

А потом они ушли. Вниз. Овцы, собаки, все.

И мы остались одни на склоне.

И дальше никаких опасностей не было. Только глина. Мы карабкались вверх, прилипая к ней, как мухи. Чтобы не увязнуть глубоко, надо было наступать в центр кустика горной полыни или, на худой конец, на жесткие макушки пучками растущей травы, еще не выщипанной овцами. К концу часового подъема я был совершенно мокрым внутри своей куртки– к счастью, непроницаемой для ветра оболочки. Потом пришлось изменить тактику восхождения, потому что подступы к вершине– это было место, куда жидкая глина изливалась из кратера, когда тот переполнялся. И глина была везде. И приходилось идти вверх, уже не считая килограммов, налипших на кроссовки. Но мне все это казалось сущей ерундой по сравнению с собаками. Потому-то я и в кратер вулкана влез, исполненный все той же безопасности освобождения от ужаса. Просто подъем закончился и под ногами оказалась очень вязкая, идеально серая, с вкраплениями каких-то мелких красных камешков глина, которая нигде не была ни до конца жидкой, ни до конца твердой. Все это умещалось в идеально правильной окружности диаметром метров в двести. Или сто. Тут, боюсь, память готова подвести меня. Мысль о том, что эта зыбкая поверхность может в один миг разверзнуться и поглотить нас навсегда, почему-то не приходила в голову, несмотря на то, что в одной из балок мы видели синеватый след прокатившегося по ней свежего грязевого выброса. Я первый добрал до остроконечного возвышения, напоминающего кусок окаменевшего дерьма в полметра высотой. Внезапно странный звук, похожий на хлопок, и последовавшее за ним журчание достигли моего слуха. Земля у нас под ногами жила. Это несколько не обескуражило нас: наоборот, мы заинтересованно осмотрели выступ и, обнаружив у его подножия несколько отверстий, долго наблюдали сопящие дыхальца вулкана, из которых иногда доносилось бульканье, а временами с мягким лопающимся звуком на окаменевший конус вылетали свежие ошметья глины.

С вершины Азер позвонил в офис. Там были удивлены, что мы забрались на вершину грязевого вулкана. Ни одному известному им человеку это до сих пор не приходило в голову (они не знали Эмиля!).

– Скажи им, что это нужно, чтобы фотографировать, – сказал я.

Я не врал: открывшийся нам во все стороны пейзаж был прекрасен. Было видно далеко: город, уже подсвеченный вечерними огнями, был как на ладони. Как на ладони были все горы и долины Гобустана. За Турагаем темнели отроги Лянгабизского хребта: дальние горы, уходящие к подножию Большого Кавказа. Кичикдаг со срезанной вершиной смотрел на про-

стиравшееся во весь восток море как посадочная площадка для НЛЮ. С высоты птичьего полета у всего окружающего был какой-то фантастический вид: земля внизу жила, дышала накатами моря, ее спокойный ракушечник и известняк тонкой корой покоились на бурлящем котле земной мантии, о которой так красноречиво напоминал то булькающий, то сопящий вулкан. Несколько снимков, сделанных в этот час с этой вершины— они стоили того, чтобы лезть сюда! Тайна и магия древних росписей были неотделимы от магической красоты породившего их ландшафта, которая в полной мере раскрылась только здесь, на вершине...

До машины мы добрались в глубоких сумерках.

Нет смысла говорить, устали мы или нет, испачкались ли, промокли и были ли голодны. Во#первых, мы были целы. А во#вторых, достигли такой остроты переживания увиденного, которая была невозможна там, на тропах заповедника...

— А ты не из тех, с кем приходится скучать, — сказал Азер, сдирая с себя мокрое от пота белье.

— Извини, старина. Один бы я не выдержал этого ада. Но ты... Я кое-что смыслю в людях. Знаю шоферов начальства средней руки. Ты— не шофер.

Он усмехнулся.

— Пожалуй, так.

— А кто?

— О, это очень долго рассказывать!— рассмеялся Азер. — Как-нибудь в другой раз...

Я не настаивал. Пережитого было довольно, чтобы считать этот день *исполнившимся*.

IX. ФИКРЕТ

Проснулся в семь: слишком рано после такого дня, как вчерашний.

И тем более рано для дня сегодняшнего. Последнего дня моей поездки. Обратный билет я нарочно заказал на самый поздний рейс. Сегодня мы с Азером договорились ехать на Апшерон.

Первое утро без дождя.

Я потрогал кроссовки, пристроенные мною на кресле под кондиционером после того, как вчера вечером я, как археолог, выскреб их из двух комков бесформенной серой глины. Оставшиеся на их коже сероватые разводы напомнили мне о том, что произошло. Я добился-таки своего: мы наконец столкнулись с реальностью. Вероятно, такое столкновение и должно было быть brutальным: я еще слишком мало знал об этой стране, обо всем, что пряталось от меня. Поэтому и не мог соприкоснуться с действительностью на уровне более тонких смыслов. Но зато у меня появился друг. Друг, который из-за меня рисковал своей жизнью.

Друг.

Вчера он кое-что рассказал о себе. Кое о чем поведал.

В начале перестройки один питерский начальник сдал ему и его друзьям за небольшую взятку в семьсот, что ли, баксов всю сеть магазинов «Военторг». Двадцать две площадки. И они там открыли первые в России круглосуточные продовольственные магазины. Эффект был такой, что Азер сразу сделал себе состояние.

Еще был завод, который производил шины для всех грузовиков на пространстве бывшего СНГ. Личные машины, если кто помнит, в середине 90#х быстро поменялись на иномарки, а грузовики еще долго оставались старые. Достаточно представить, сколько это машин и какой, соответственно, был оборот у завода, чтобы понять, что на этом Азер тоже сделал себе состояние. Происходило все в городе Волжске, возле Саратова. А потом что-то сломалось в колесе фортуны. Местная милиция что-то перепутала. Обычная милиция, в доску своя. Петрович там, Василич. Они перепутали, приняли Азера за кого-то другого, арестовали и четыре дня убивали. Старшой, Василич, норовил изо всей силы ударить его дубинкой по голове. Специально старался по голове. Изо всей силы. Четыре дня.

Когда ошибка выяснилась, а Азер не умер, а оклемался после всего этого, он не стал никому мстить, он бросил бизнес, бросил друзей, жену бросил, все бросил и уехал в Германию.

Он жил в мире, который чуть не пришиб его.

К этому оказались причастны все: он сам, друзья, враги, жена, женщины, с которыми приходилось иметь дело...

И он понял, что больше не хочет.

Решил попробовать пожить в параллельном мире. Где все по-другому. И в Германии это ему удалось. В Азербайджан он вернулся, чтобы устроить маму. Отправить то ли к брату в Грузию, то ли к сестре в Канаду.

Сказал так:

– Нашел работу, где платят немного, зато все ясно. Приезжают журналисты– работаешь с ними. Никакой грязи. И никакого бизнеса. А сам просто ждешь, когда можно будет уехать. Понял?

Я был потрясен вчера. Я сразу почувствовал в Азере человека, много повидавшего в жизни и хорошо знающего людей. Но такого поворота не ожидал.

– Понимаешь, я лучше соглашусь быть никем в Германии, чем кем бы то ни было– здесь, – сказал он и горько усмехнулся.

Причем он сказал все это на подъезде к Баку 4 марта 2010#го, он был уверен, что уедет. Ведь канцлер Германии Ангела Меркель еще не заявляла о крахе мультикультурной политики. А теперь он решительно ни в чем не может быть уверен, мой друг Азер.

Вот ведь странно устроен мир.

Апшерон, куда мы с Азером собирались отправиться, представляет собою полуостров, вдающийся в Каспийское море на 70 километров с запада на восток. На южном побережье его расположен Баку. На Апшероне нет ни рек, ни гор, ни лесов: ничего, кроме нескольких озер с соленой водой. Главной особенностью этого места всегда была необычайная, поражающая всех ранних географов, насыщенность его нефтью. Это сердце каспийских нефтепромыслов и настоящее чудо природы. С. Г. Гмелин ³¹, увидевший эти места за двести с лишним лет до меня, с восторгом пишет об апшеронских нефтяных полях, где земля пропитана нефтью настолько, что эти места пылают неугасимым «изсиня-желтым» огнем.

Я, разумеется, понимал, что мне не удастся увидеть полыхающую землю хотя бы потому, что за последние полтора века все нефтяные поля были отжаты досуха. И все же всполохи гмелинского «изсиня-желтаго» огня гудели в моей голове и мое любопытство представляло себе картины не в меру поэтические. Раз уж я в Азербайджане – как не попасть на Апшерон? Но я был в командировке и не мог кататься на машине с Азером по своей прихоти. Тем более по нефтяным полям. Для того чтобы отправиться на Апшерон, мне нужен был другой аргумент.

В десять раздался стук в дверь. На пороге стоял Азер в новых, не вчерашних, изящных черных ботинках. Перехватив мой взгляд, он рассмеялся. Увидев, что я встал и взял рюкзак, произнес:

– Не торопись. По поводу нашей поездки на Апшерон придется заехать в офис.

– Для чего?

– По-моему, Ализар хочет поговорить с тобой...

У меня не было желания говорить с Ализаром. Но он *принимающая сторона* и отказать ему – невозможно. Если речь зайдет о поездке, то у меня есть что сказать. Если же мы поедем без согласования – Азеру придется за это расплачиваться.

– Что ж, – поднялся я. – Поехали.

Почему-то мне и в голову не приходило, что заехать в офис нужно было в первый же день из элементарной вежливости, чтобы поблагодарить за прием. Ну а после вчерашнего восхождения... Разумеется, начальник имел право посмотреть на залетевшую к ним диковинную птицу. Эта мысль догнала меня, когда мы уже ехали по городу. Я ощутил готовность к разговору.

Офис: три комнаты, отделенные от коридора стеклянной перегородкой, пара сотрудников, приветливо поднявшихся навстречу нам с Азером... Один был полноватый, начинающий лысеть бонвиван лет тридцати пяти. Другой, которому Азер вчера звонил с вершины Кягниздага, уважительно величая его «Али-бей», выглядел совсем молодым человеком, который, как мне показалось по его воодушевленному взгляду, сам бы не прочь был поучаствовать в наших приключениях, вместо того чтобы сидеть здесь на телефоне...

– Очень приятно...

– Очень...

Последней в комнату вошла молодая женщина такой оглушительной красоты, что в старом серванте моей души что-то дрогнуло и задрезбуждало. Это, похоже, произвело хорошее впечатление на сотрудников офиса: они радостно заулыбались. Но Боже, каких же пре-

³¹ Гмелин, Самуил Готлиб (1744–1774) – выдающийся русский путешественник немецкого происхождения; во время экспедиции в Прикаспийские области и Персию собрал богатый материал, но на возвратном пути был в Дагестане ограблен и взят в плен одним кайтагским князьком, умер в плену.

красных женщин ты порой создаешь! Она нисколько не напоминала мне мою незнакомку— та была как солнечный зайчик, появлялась— и исчезала... Уже два дня она не показывается... И я не знаю— суждена ли нам еще одна встреча?

Женская тема была внезапно прервана приглашением к начальнику.

Офис— крошечная ячейка в механизме азербайджанских масс-медиа: он должен обеспечивать всем необходимым работу журналистов, как и я, приехавших из Москвы по командировке журнала «Баку». А заодно и присматривать за ними. В Азербайджане серьезно относятся к международному общественному мнению. Поэтому, каким бы маленьким начальником ни казался Ализар, именно от него сейчас зависело, сбудутся ли мои мечты.

Я вдруг очень остро это ощутил.

Открыв дверь в кабинет, я увидел человека: удлиненное лицо его было, пожалуй, выразительно, как и голубые выпуклые глаза. Но жила в них какая-то невыразимая тоска. Казалось, ему одиноко в этих стенах. И если те трое в общей комнате еще могли заполнить свое рабочее время разговорами, поисками в интернете или выполнением нехитрых поручений, то ему, руководителю, в собственном кабинете приходилось одному несладко.

Мы обменялись рукопожатиями.

— Как вы устроились?

— Отлично.

— Как вам понравилось в Азербайджане?

— О!

На этом дежурные темы были исчерпаны.

— Знаете, — сказал Ализар. — Мы ценим самостоятельные поиски журналистов...

Я угадал намек и улыбнулся.

Ализар улыбнулся тоже.

— Более того, мы ждем от журналистов, чтобы они рассказали нам такое, о чем мы сами даже не знаем...

Я подождал. Продолжения не последовало. Похоже, был мой черед.

Я помочил в стаканчике кусочек сахара, надкусил размягчившуюся часть и отпил глоток чая, демонстрируя знание традиций чаепития.

— Именно поэтому в поисках темы для будущего материала я бы хотел сегодня отправиться в музей апшеронских древностей... — начал я.

— К Фикрету Абдуллаеву? О, это замечательный человек! Он расскажет вам много интересного, — неожиданно для меня с воодушевлением воскликнул Ализар. — Конечно, поезжайте!

Я не верил своим ушам. Так просто? А я-то нагородил себе препятствий!

Я почувствовал себя неловко.

— Честное слово, Ализар, я так благодарен вам за ваше радушие...

— Мы ждем от вас хороших материалов...

Путь на Апшерон был открыт.

Мы свернули с трассы на юг возле той самой оливковой рощи, с которой началось мое знакомство с Азербайджаном. За темной зеленью олив пряталось несколько домиков. Вдалеке, за длинным плоским известняковым холмом, виднелись силуэты нефтяных вышек. Но вышки— они были далеко, а мы вдруг выкатились на грунтовую дорогу, чуть зеленеющую проклюнувшейся травкой, прямо перед нами возникли какие-то развалины, широкий купол старинных бань. Коричнево-красные куры, копавшиеся в компостной куче, с квохтаньем побежали через дорогу, заставив нас остановиться. Из-за облаков впервые за несколько дней проглянуло солнце.

Я вышел из машины и потянул носом воздух: пахло почему-то солью и непередаваемым запахом деревни, только, в отличие от деревни русской, где сам корень слова, его смысл,

его дух и запах означают, что все в этом мире деревни сделано из дерева, здесь все, буквально все было сложено из плоского серого камня: заборы, местами уже подравливающиеся, дома, сараи, поражающие своей тщательной, стародавней кладкой, и даже крышка колодца, выкопанного на берегу темного пруда, была закрыта круглым камнем, напоминающим мельничный жернов.

– Ну что ты?– спросил Азер. – Садись, поехали!

– А далеко тут?

– Да вот, за поворотом.

– Езжай, я пешком дойду...

Надо было как-то обвыкнуться в этом каменном мире. Вот, значит, дом: ни тебе сруба, ни стропил, ни конька, ни наличников на окнах, ни осинового плашника или дранки, кроющей крышу– ни-че-го. Ведь деревья здесь– наперечет. Стены искусно сложены камнями и где-то там, под слоем древней черепицы, так же мастерски сведены в замо́к: дома здесь очень старые, это видно, но только у немногих крыша провалилась. Окна маленькие, так что никакие ставни здесь и не нужны. Вот разве что двери– из дерева.

Я шел, улавливая чуть ощутимый постный запах отлежавшегося, сырого, чуть подогретого солнцем камня. Вишни во дворах домов были уже совсем живые, но им еще не хватало тепла, чтобы зацвести. Под ногами пробивалась травка, которую у нас в России зовут «гусиные лапки».

Было тихо, как на Гобустане, как будто не было всего этого мира там, *вовне*. И не в смысле только автомобильного шума: здесь не ощущалось его шизофренической активности, его *одержимости*. Казалось, время здесь остановилось. По пути я так и не встретил ни одного человека. Не было и ни одного магазина, где можно было бы что-нибудь купить. Жизнь людей– так, как заявлена она была в человеческих постройках– здесь подразумевала очень неторопливый и размеренный ритм, терпеливый, нелегкий и упрямый труд праведников. Крестьянский труд, более ненужный в глобальном мире.

Я вышел на небольшую площадь. Справа возвышалась полуразрушенная древняя башня, возле которой без движения стояла помятая бетономешалка, а слева был одноэтажный дом современной постройки– на ступеньках меня поджидали Азер и могучий смуглый мужчина с крупной лысой головой, в пиджаке и тонкой джинсовой рубаше, который поглядел на меня и как-то по-отечески спросил:

– Нагулялся?

– Для начала– да, – сказал я.

– Хорошо сказано: «для начала», – рассмеялся Фикрет.

Мы познакомились.

– Сколько лет?– поинтересовался он.

– Сорок девять.

– А мне пятьдесят один.

Рядом мы выглядели примерно как отец с сыном, разве что голова у меня была седая.

Ну а дальше мы пошли в комнату, сели за стол, и началось... Что началось? Началась магия Фикрета. Он говорил. Он спрашивал. Он отвечал. Иногда ждал нашего ответа. Но не особенно в нем нуждался: ведь он говорил про Гала. А про Гала досконально все знал только он сам. Двадцать лет назад в умирающем селе он начал собирать музей– теперь это гордость Азербайджана. Этому селу четыре тысячи лет, и с тех пор, как появился Баку, оно снабжало город зерном. Говорят, Гала умирала три раза. Три раза была стерта с лица Земли. Сейчас село умирает (или рождается) в очередной раз. Старые галинцы– таких осталось тринадцать семей– ираноязычный народ, говорящий на фарси (они произносят: *парси*), спрашивают Фикрета: зачем ты делаешь этот музей? Зачем не даешь селу спокойно умереть, если наши нивы не плодоносят, если на наших виноградниках стоят нефтяные вышки, если даже наша

соль— лучшая на Апшероне каменная соль— залита мазутом? Зачем делать вид, что мы кому-то нужны?

— А знаешь, как они растили виноград?— спрашивает Фикрет, дрожа от предвкушения собственного ответа. — Виноградники были на песках, и каждую гроздь, чтоб она не высохла, укладывали во что-то вроде корзиночки и прикрывали сверху от солнца. И когда осенью срывали ее— это был мед, это был самый сладкий виноград в мире!

Его глаза сияли счастьем, он радовался произведенному впечатлению и вновь бросался вперед, не боясь обкормить нас, дать сверх меры, ибо целый народ жил и говорил в нем, и сердце его наполнилось голосами этого народа, до сих пор живущего так, как будто на календаре какой-нибудь 1845 год и мир, в который погружено окруженное призрачными садами и виноградниками село,— это *мир до одержимости*. Гала умирает, но само миропонимание старых галинцев— это настоящий драгоценный камень, на который не устаешь любоваться. Фикрет сохранил этот драгоценный камень в своем сердце— и теперь делился его светом. То, что он рассказывал, было целительно. Потому-то столь красноречивой и долгой была его речь: он узнал во мне собеседника.

Мне врезался в память рассказ про девяностопятилетнего чабана: всю жизнь он провел с овцами и нисколько не сожалел об этом. Кочевал с ними и в холод, и в жару; в конце ноября отгонял отары в центр полуострова, на зимнюю стоянку— крошечное поселение, дом да овчарня, которое так и называлось Кошакишлак («Двойной кишлак»). И сколько Фикрет ни расспрашивал его, не скучно ли ему было вот так всю жизнь кочевать по степи за овцами, гуртовать их, лечить, приглядывать за родами, нянчить маленьких ягнят— он никак не мог понять, о чем его спрашивают. А когда ему показалось, что он понял— старик поднял с земли катышек сухого овечьего помета и сказал: «Знаешь, если хотя бы один день моей жизни я не чувствовал этот запах— я бы умер».

Мы помолчали.

Потом вышли на улицу. Слева за забором под открытым небом размещалась территория музея.

— Ну что, давайте я открою, покажу?— спросил Фикрет, доставая из кармана ключи. — Хотя на самом деле все самое главное— там, в Гала. Это село— загадка, я как-нибудь проведу вас... Ну разве не странно— здесь всегда не хватало воды, всегда было три колодца, а на них село простояло четыре тысячи лет! Говорят, под землей здесь прорыты галереи, в которых может проехать запряженная быками арба и найти убежище три тысячи человек.

Ворота открылись.

— Как три тысячи человек?— ошеломленно спросил я, лихорадочно припоминая, что что-то подобное, загадочные «подземные города», существуют не так уж далеко отсюда, на территории Турции.

— Огромное убежище там, под землей, с подземными ходами, с выходами к морю. Все знают про это, но вот, музей сделали, а эти галереи разыскивать не стали...

— И потом!— вдруг опять пришел в воодушевление Фикрет. — Здесь же сплошь священные места... Огонь... Вы представьте только— земля горит, море— горит! Не случайно зороастризм зародился здесь, в стране огня!

Разглядывая старинные орудия, кувшины, каменные жернова, мы в конце концов оказались на скотном дворе, где пугливо косились на нас две овцы, кофейного цвета шеи которых торчали из покрывающей тело шерсти, как из пушистых белых барашковых воротников. Напротив был загон пренебрежительного к своей красоте верблюда: он цинично мочился на землю, густая шерсть его свалялась, в ней застряла какая-то труха и солома. Этот циник выглядел вполне живописно, и я стал доставать фотоаппарат, чтобы сфотографировать его.

— Подожди, дорогой, — произнес Фикрет, отпирая ключом еще одну постройку на территории музея. — Я еще не все показал...

Азер зашел первым:

– Камасутра... – только и нашелся сказать он.

Я протиснулся вслед. Признаюсь, я готов был увидеть что угодно, но только не это.

Всего было четыре камня. Не очень больших, так что каждый камень взрослый человек мог бы поднять. На всех этих камнях были выбиты изображения «священного брака», или, говоря языком профанным, соития мужчины и женщины. Иногда она шутливо принимала одного, ликуяще играя какими-то кольцами в воздетых руках; иной раз соитие было более страстным и мужчин было двое, и тогда она словно забавлялась, дразня их, заставляя яростно размахивать палицами, держась руками за огромные перевозбужденные члены... Кроме оргиастических сцен на камнях было множество изображений разных животных: коровы или коня, убегающей лани, ящерицы... Ничего подобного я не видел даже на Гобустане.

– Что это, Фикрет-муаллим?³² – только и нашелся спросить я.

– Мы называем это «Ахдаш-дюзи», «эротические камни», – улыбнулся Фикрет, видя наше изумление. – Они были найдены здесь, на Апшероне, еще в конце 60-х годов. Но где бы тогда мы могли их выставить? Хранили их в бане, потом в мардакянской башне, так что еще один камень – пятый – рассыпался... Сохранились только его фотографии и прорисовки... Как установил наш археолог Идрис Алиев, главная героиня всех этих действий – Инанна – шумерская богиня плодородия и плотской любви³³. Она опознается по кольцам, которые держит в руках. И эти рисунки на камнях – фактически просто прорисовка древнего мифа, который был записан в стране шумеров на глиняных табличках. Под Майкопом, кстати, тоже найдены подобные изображения³⁴...

Майкоп – город на западе Северного Кавказа, возле Черного моря – Апшерон на Каспии – и Месопотамия – как это связано? Я на Гобустане-то уже не осмеливался выдавать свои догадки за какое-либо подобие суждения. А тут... Мы оказались в кругу вопросов без ответа...

Фикрет запер домик, и мы зашагали к выходу. Неожиданно он остановился:

– А на эту статую вы, видимо, не обратили внимания?

Назвать статуей то, на что он указывал, мог бы только завзятый авангардист: тело представляло собой каменный монолит со сквозной дыркой на месте сердца. Массивное правое плечо не было толком выявлено; левое было какое-то истонченное, вздернутое, и яйцевидной формы голова...

– Интересно, что голова снимается, – сказал Фикрет и легко снял голову, крепившуюся к монолиту тела простой палочкой-штырьком. – И при этом сердце – как будто вырезано. Для чего это, Василий? Может быть – имитация человеческого жертвоприношения?

Видимо, мы с Азером следили за его рассуждениями с такими тупыми рожами, что он невольно мягко засмеялся, глядя на нас. С Фикретом было легко: он не загонял собеседника в угол своей эрудицией. Ему просто нравилось играть загадками.

Мы прошли по музею и заперли входные ворота.

– Еще по чашке чаю? – предложил наш хозяин. – Мы ведь не закончили...

³² Муаллим – буквально «учитель», уважительное обращение к мужчине старшего возраста.

³³ Инанна – в шумерской мифологии богиня плодородия, плотской любви и распри. Мифы, связанные с ней, чрезвычайно запутанны, что свидетельствует об их архаическом происхождении. Однако архетипически Инанна воплощает собой могучие силы природы – женственной, похотливой, плодоносной, но иногда непредсказуемо вероломной и безразличной к понятиям добра и зла.

³⁴ Современные ученые сходятся на том, что жители западного берега Каспия IV тысячелетия до н. э., так же как и жители Северного Кавказа, были представителями одной культуры и одного народа, пришедшего с юга из верхнего Двуречья и с восточных берегов Средиземного моря. См.: Клейн Л. Майкоп: Азия? Европа? // Знание – сила. 1987. № 2.

Самолет у меня был чуть не в одиннадцать, времени было полно, и я опасался только того, что мой разум устанет следить за культурологическими пасьянсами, которые с такой скоростью раскладывал перед нами Фикрет. Но уходить решительно не хотелось...

И мы вновь оказались в кабинете директора.

– Мы закончили на этой странной фигуре...

– Мы закончили на том, что пятый камень не сохранился, – повернул в свою сторону разговор Фикрет. – Остались только фотографии и прорисовки. Вот они, – он бросил перед нами на стол книжечку «Откровения Апшерона», изданную Министерством культуры и туризма Азербайджана, в которой тема «Ахдаш-дюзи» была всесторонне рассмотрена.

– На этом пятом камне, как вы видите, изображения женщин очень отличаются от тех, что сделаны на других камнях. У них головы варана. А варан в восточной традиции – это символ угрозы мужскому началу, мужской силе...

Это действительно так, однако из рисунка на камне явствовало, что мужчины стремились обладать и обладали этими опасными феминами.

– А теперь смотрите, – Фикрет открыл ящик своего стола и извлек из него небольшую – сантиметров в 12 высотой – бронзовую статуэтку женщины, голова которой, украшенная ниспадающими волосами, заканчивалась тем не менее чем-то похожим на плоскую голову ящерицы. – Это она? И если это она – то кто она такая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.